

♠Annotation

Он обещал любить меня всю жизнь, но расторг наш брак, поверив клевете. Отправил в изгнание, так и не узнав, что я носила под сердцем его ребенка. Я пообещала себе забыть его и никогда не возвращаться на родину, но болезнь сына заставила меня переменить решение. Моему малышу нужна вода из королевского магического источника, и я добуду ее, чего бы мне это ни стоило – даже если мне придется под чужим именем вернуться во дворец, из которого меня когда-то прогнали. Теперь я уже не та, что прежде. Иллюзорная магия изменила мою внешность. У меня есть титул, богатство и огромное желание отомстить. Но разве можно вернуться домой и не выдать себя перед человеком, которого когда-то любила больше жизни?

Я не скажу тебе о сыне

Пролог

- 1 Десять лет назад
2. Приезд в столицу
3. Подготовка к балу
4. Бал
5. Сомнения
6. Танец
7. Невеста короля
8. Леони де Сурель
9. Непростые обязанности королевы
10. Тетя Леони
11. Магия Эллинаров
12. Новости
13. Бывшая королева
14. Кругом враги
15. Я – преступница?
16. Джемма
17. Кортёж Его Величества
18. Барон Робер
19. Велия – мадемуазель королевской крови

♠20. Маленький принц

21. Месье Ледюк
22. Ярость
23. Рассказ шевалье
24. Амулеты
25. Князь Алонсо
26. В Линарию?
27. Перемены
28. Деликатное поручение
29. Возвращение в Лиму
30. Аукцион
31. Особняк
32. Сын короля
33. Герцогиня де Ламар
34. Проверка
35. Обман
36. Аудиенция
37. Разговор с маркизой
38. Прошное
39. Флакон магической воды

40. Граф д'Эрсан
41. День рождения Джеммы
42. Дело королевы
43. Прогулка
44. Сладости
45. Еще один бал
46. После бала
47. Прием у герцога да Крелона
48. Сестра
49. Новости
50. Маркиз Дюбуа
51. Кусочек правды
52. Амулет
53. Маленький Эллинар
54. Правда короля
55. Продолжение рассказа
56. Еще один заговор

♠57. Похищение

58. Решение
 59. Пикировка
 60. Правда
 61. Встречи
- Эпилог

♠Я не скажу тебе о сыне

♠Пролог

— Пятнадцать тысяч риэлей! — заявил седовласый мужчина в темно-зеленом фраке.

Я не знала, кто это, и не обратила большого внимания на его слова. Наверняка, он выйдет из гонки, когда цена лота поднимется раза в два. А в том, что она поднимется, я не сомневалась.

Это был самый престижный аукционный дом Линарии, а этот лот — самый интересный на сегодняшних торгах. Старинный особняк на площади Доблести почти в самом центре столицы в нескольких сотнях метров от королевского дворца — лакомый кусочек для любого состоятельного покупателя. Не случайно им заинтересовались и военный министр граф Эрсан, и владелец крупнейшего банка страны маркиз Рошен, и еще много других, отнюдь не последних лиц королевства.

Для меня это был идеальный вариант. Нет, сам особняк меня ничуть не прельщал. Но мне нужно было, чтобы в Лиме обо мне заговорили — в каждой газете, на каждом приеме и балу — вплоть до королевского дворца.

Громкий титул, деньги, красота — что еще нужно, чтобы стать главной звездой бального сезона в столице? Правильно — поступок, о котором будут говорить!

— Шестнадцать тысяч! — тут же ответил молодой человек в военной форме.

А вот об этом персонаже мне рассказали заранее. Виконт Анри де Кавелье — жених мадемуазель Лауры Робер, особняк которой две недели назад попал в каталог этого аукциона.

Сама Лаура сидела сейчас рядом с виконтом — бледная

светловолосая девушка с покрасневшими от слёз глазами. Одета она была со вкусом, но потрепанные ленты на шляпке и потемневшее от неоднократных стирок кружево на платье, которое когда-то, наверно, было белоснежным, не оставляли сомнений в ее непростом финансовом положении.

Виконт де Кавелье повышал цену осторожно, и я понимала, что он тоже скоро выйдет из игры.

▲— Двадцать тысяч! — не стал церемониться граф Эрсан.

На его хищном лице с крючковатым носом появилась торжествующая улыбка. Он был уверен в своей победе.

О его намерении купить дом разорившегося барона Робера было известно еще до аукциона — именно он был основным кредитором барона, и по Лиме ходили слухи, что вел он себя в этих отношениях не вполне честно.

Во взгляде виконта де Кавелье появилось отчаяние — судя по всему, двадцать тысяч риэлей были для него непосильной суммой. Они с невестой сидели совсем рядом со мной, и я слышала, как девушка простонала:

— Если наш дом достанется Эрсану, это убьет отца.

Она не побоялась воскликнуть и громче, обращаясь уже непосредственно к его сиятельству:

— Неужели, сударь, совесть позволит вам въехать в наш дом, как ни в чём не бывало?

Граф Эрсан поднялся и, бросив на девушку уничижительный взгляд, сказал не столько ей, сколько всему залу:

— Я мог бы промолчать, господа, но я не привык к тому, чтобы меня публично оскорбляли. Я не стану требовать выдворения мадемуазель Робер, потому что понимаю, как нелегко ей приходится сейчас. Она вот-вот лишится дома, а ее отец тяжело болен. Но я хотел бы поставить точку в нашем споре. На протяжении долгого времени я ссужал барону Роберу большие суммы денег. И я особенно пострадал, когда его милость объявили банкротом.

— Вы врете, сударь! — девушка тоже вскочила. — Отец продал все фамильные драгоценности, чтобы расплатиться именно с вами! Это к вам он отправился в тот роковой день! Он вернул вам долг, я не сомневаюсь!

Граф невозмутимо пожал плечами:

— Если вы уверены, что он расплатился со мной, то извольте предъявить расписку. Любой здравомыслящий человек, вернув долг, потребовал бы с кредитора расписку в этом. Надеюсь, мадемуазель, вы не сомневаетесь в здравомыслии своего отца?

Мадемуазель Робер не сдержалась и выкрикнула:

— У него была ваша расписка! Но кому, как не вам, знать, что с ней случилось. На отца напали, когда он возвращался от вас. В тот

▲момент у него не было с собой ничего, кроме этой расписки. Неужели вы думаете, что настоящих воров заинтересовала бы какая-то бумажка?

— Довольно, мадемуазель! — повысил голос и граф. — Я не намерен более сносить ваши оскорбления. Насколько я понимаю, ваши финансы не позволяют вам ничего здесь купить, и если так, то я не понимаю, что вы вообще делаете в этом зале.

И он повернулся в сторону распорядителя аукциона. Тот

понимающе кивнул и сделал шаг в направлении нарушительницы спокойствия.

Именно в этот момент я и сказала:

– Двадцать пять тысяч!

– Что? – не сразу понял граф Эрсан.

А распорядитель тут же вытянулся в струнку, и на лице его появилась подобострастная улыбка. Похоже, он уже не надеялся, что ставки повысятся.

Военный министр нахмурился и недовольно бросил:

– На вашем месте, месье Дижон, я бы проверил платежеспособность покупательницы. Как бы потом не пришлось признавать аукцион не состоявшимся. Не удивлюсь, если эта женщина – подруга мадемуазель Робер, которая намерена сорвать торги. Надеюсь, сударыня, у вас есть гарантийные письма?

Распорядитель занервничал, но не решился обратиться ко мне с тем требованием, на котором настаивал граф. Это был скандал, каковых любой приличный аукционист старался избегать.

А зал возмущенно загудел – подобное недоверие на аукционе, куда допускались лишь лица благородного происхождения, было оскорбительным.

Но я сделала вид, что этого не поняла – растерянно улыбнулась и обратилась к распорядителю:

– Прошу прощения, сударь, но я не знала, что нужны гарантийные письма.

Граф Эрсан хмыкнул и обвел собравшихся торжествующим взглядом – дескать, ну что, кто оказался прав?

А я уже раскрывала ридикюль.

– Может быть, вместо гарантийных писем и расписок подойдут наличные деньги? Я намерена сразу же оплатить покупку. Право же,

▲это такая мелочь.

Когда я отправилась на аукцион с такой огромной суммой, мой секретарь пришел в ужас – куда разумнее было бы выписать чек или оставить расписку. Но ради того, чтобы произвести такой эффект, стоило рискнуть.

Кто-то охнул, кто-то восхищенно рассмеялся – в зале не осталось ни одного равнодушного лица. Я знала, что военного министра в Лиме не любили, и теперь публика явно желала, чтобы он сел в лужу.

– Насколько я понимаю, у сударя нет других возражений, – теперь моя улыбка была адресована исключительно графу Эрсану, – и он уступает мне этот особняк?

– Тридцать тысяч! – прохрипел он.

Должно быть, его порыв объяснялся волнением – на самом деле особняк столько не стоил, и граф наверняка это знал.

– Тридцать пять! – проворковала я. – Право же, сударь, к чему упорствовать? Я перебую любую вашу цену. Я нахожусь в Лиме уже почти неделю, и мне изрядно надоела гостиница.

«Откуда взялась эта красавица?» – услышала я за своей спиной.

Другой голос приглушенно ответил: «Кажется, она княгиня из Антарии. Говорят, она баснословно богата».

Я усмехнулась.

– Тридцать пять тысяч раз! – возвестил распорядитель. –

Тридцать пять тысяч два! Тридцать пять тысяч три! Особняк ваш, сударыня!

Я решила добить Эрсана и подзадорить стайку журналистов, что уже всю скрипели перьями в своих альбомах. Я достала из сумочки нужную сумму и положила стопку ассигнаций на поднос распорядителя, удостоившись восхищенного гула зрителей.

Это был последний лот аукциона, и пока я, дожидаясь кареты, стояла на крыльце, мимо меня прошел Эрсан, не посчитавший нужным удостоить меня хоть какого-то знака внимания.

— О, сударыня, благодарю вас за то, что не позволили этому мошеннику получить наш дом! — мадемуазель Робер подошла так неслышно, что я вздрогнула. — Хотя, боюсь, скоро вы поймете, что переплатили. Я очень люблю наш особняк, но он сейчас не в лучшем состоянии. Мы с папенькой уже несколько лет как живем во флигеле — отапливать все комнаты нам не по карману.

▲ Она была прехорошенькой — разве что бледность кожи да морщинки на высоком лбу несколько портили картину.

— Значит, мадемуазель, я купила ваш дом? — я постаралась вложить в свой голос как можно больше тепла. — Вы — храбрая девушка, если решились сюда прийти.

Она часто заморгала, пытаясь скрыть слёзы.

— О, что вы, сударыня, я — трусиха. Но я искренне рада, что особняк достался вам. Надеюсь, он вам понравится. Я была очень счастлива в нём. Не беспокойтесь, мы с папенькой съедим в течение ближайших пары дней.

Ее жених стоял чуть поодаль, не решаясь вмешаться в наш диалог, но я не сомневалась, что стоит мне отойти, как он подбежит к девушке и предложит ей опереться на свою сильную руку.

— Нет-нет, мадемуазель! — я покачала головой. — Вам незачем съезжать. В вашем особняке столько комнат, что мы все разместимся там безо всяких помех. Тем более, что вы живете во флигеле. Право же, я буду рада такому соседству. Взамен же потребую показать мне Лиму — надеюсь, вас это не затруднит, — ваш прекрасный город мне совсем не знаком.

Теперь она уже не прятала слёз. И прежде, чем я успела ее остановить, она поднесла мою руку к губам.

— Благодарю вас, сударыня! Вы даже не представляете, как много это для меня значит. Я не намерена долго злоупотреблять вашей добротой, но буду признательна вам, если вы позволите нам остаться до тех пор, пока папенька не встанет на ноги.

Она улыбалась сквозь слёзы, и улыбка ее была светлой и чистой.

Когда-то я и сама умела так улыбаться. Как же давно это было.

— Не плачьте, дитя мое! — по возрасту я была старше ее лет на десять, но чувствовала себя куда мудрее. — После пасмурных дней на небе всегда появляется солнце.

Эти слова когда-то, много лет назад, мне сказал ее отец — барон Робер, — и они согревали меня в те дни, когда я была близка к отчаянию. И я была счастлива, что теперь могу сделать для его дочери то, что он когда-то сделал для меня — дать пищу и кров.

▲ 1 Десять лет назад

— Сандра, Сандра, да просыпайся же скорее!

Они ворвались ко мне в спальню маленьким шумным вихрем — моя младшая сестра Бланш и гостившая у нас в поместье кузина Джемма. На лицах у обеих плескалась такая смесь эмоций, что трудно

было понять, напуганы они чем-то или приятно удивлены.

— Ты только посмотри, кто оказался у нас во дворе! — Джемма уже стояла у окна, пытаясь разглядеть кого-то через тюлевую занавеску. — Ах, это самый красивый мужчина, какого только можно вообразить!

Незнакомый мужчина? У нас? И именно сейчас, когда папеньки нет дома?

Я прыгнула с кровати и тоже подбежала к окну. Впрочем, этого оказалось недостаточно, чтобы разделить восхищение Джеммы и Бланш. Моя комната находилась на втором этаже, и всё, что я смогла увидеть, это фигуры двух мужчин возле нашего крыльца и еще нескольких слуг с лошадьми чуть поодаль. Да, они были стройны (не лошади — мужчины!), и их горделивая осанка выдавала в них людей благородных. Но расстояние было слишком велико, чтобы можно было судить о красоте их лиц, и я не понимала, что могло вызвать такой восторг у моей двоюродной сестрицы.

А горничная уже принесла платье и готова была заняться моей прической.

— Раз дядюшки нет дома, именно ты должна выйти к ним на правах хозяйки, — поучала меня Джемма. — Поприветствуй их должным образом, предложи разделить с нами завтрак, — и добавила с видимым сожалением: — Жаль, что мы не можем предложить им отдых и ночлег под нашей крышей — без взрослого мужчины в доме это будет неприличным.

Мы спустились к нежданым гостям только через четверть часа — за это время их лошадей уже напоили и подвели к кормушке со свежескошенным сеном. Мы вышли на крыльцо, и мужчины отвесили нам низкие поклоны.

♣— Простите за беспокойство, сударыни! Мы не осмелились бы потревожить вас, если бы одна из наших лошадей не нуждалась в новой подкове. В деревне нам сказали, что единственная кузница в этих местах — в вашем поместье.

Эти слова произнес мужчина в столь роскошном костюме, что я не удивилась бы, окажись он заморским принцем. Одного только золотого шитья на его камзоле было так много, что хватило бы на наряды нескольких модниц. А были еще кружева и большой драгоценный камень на широкополой шляпе, которую он сейчас держал в руках.

— Позвольте представиться, — он снова церемонно поклонился, — герцог де Ламар к вашим услугам.

Джемма за моей спиной издала восторженный вздох, а я, напротив, почувствовала беспокойство. Я никогда не бывала в столице и высшее общество знала только по рассказам папеньки. А если, принимая столь важного гостя, я допущу какую-то оплошность? Не сочтет ли он нас провинциальными невеждами?

Впрочем, я тут же прогнала от себя эту мысль. Они здесь проездом и, отведав пищи и перековав лошадей, уедут прочь, сразу же забыв и наши имена, и наши промахи. А значит, какая разница, что они о нас подумают?

Я украдкой посмотрела на Джемму — она разглядывала герцога с таким интересом, что мне захотелось ущипнуть ее за руку. Да, его светлость был молод и красив (и как она могла заметить это со второго этажа?), но выказывать свое восхищение подобным образом было

неприлично.

– Шевалье де Монкур, – представил мужчину своего спутника. Я перевела взгляд на второго мужчину. Одет тот был гораздо скромнее и держался соответственно. Он послал мне усталую улыбку, и я улыбнулась в ответ.

Пока наш кузнец занимался лошастью шевалье (а она не только потеряла подкову, но еще и заметно хромала на правую заднюю ногу), мы предложили гостям отведать скромных угощений.

– Тронуты вашей любезностью, прекрасная хозяйка, – заливался соловьем герцог. – Нас уже предупредили, что ваш отец отбыл на охоту, поэтому не беспокойтесь – как только лошадь будет подкована, мы тут же удалимся.

♠На сей раз вздох кузины был полон сожаления.

Слуги уже прослышали о визите важной персоны, и на стол были выставлены и старинное серебро, и восточный сервиз из тончайшего фарфора. Да и яства были поданы куда более обильные, чем обычно. Наш повар прекрасно готовил, и в качестве паштетов, суфле и других холодных закусок можно было не сомневаться, что и не преминули отметить гости.

– Право же, эти блюда не стыдно было бы подать и королю, – признал де Ламар.

Он и за столом много и с удовольствием говорил. Джемма соглашалась с каждым его словом – даже если с его уст слетала откровенная банальность.

Шевалье де Монкур был куда менее многословен. Иногда он вставлял в разговор отдельные фразы, но каждый раз кузина осаждала его возмущенным взглядом – словно считала дерзостью его вмешательство в беседу людей, имевших более высокий статус. Мне было стыдно за Джемму, но выступить в защиту шевалье значило бы еще больше его обидеть. Поэтому я, как могла, поддерживала беседу с ним и видела, что он был признателен мне за это.

Я имела слабое представление о мужской красоте, но Монкур понравился мне куда больше фанфарона-герцога. Да и суждения его были весомее и выдавали в нем человека образованного и с хорошим вкусом.

– Мы хотим приехать в Лиму на сезон балов, – сообщила

Джемма, – и надеемся быть представленными ко двору.

Она произнесла это с гордостью, ничуть не сомневаясь, что гость должен этим восхититься. И он ее не разочаровал.

– Уверен, вы станете жемчужинами королевского двора, – отвесил комплимент герцог и подкрутил свой длинный ус. – Хочу заметить, что в моем доме также даются роскошные балы, и я буду рад видеть вас у себя. Известите меня, когда приедете в столицу, и я лично привезу вам приглашения.

Кузина едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши. Завтрак, меж тем, был окончен, и наш дворецкий как раз сообщил, что лошадь подкована.

– Не смеем больше злоупотреблять вашим гостеприимством, сударыни! – герцог первым поднялся из-за стола.

♠Мы снова вышли на крыльцо. Слуга шевалье вел по двору его лошадь, и я с беспокойством отметила, что ее хромота не прошла.

– Но как же вы поедете на ней, сударь? – с тревогой спросила

я. — Если она повезет кого-то в седле, то, боюсь, вы не доберетесь до столицы, — мне было жаль и лошадь, и ее хозяина. — Быть может, вы возьмете одну из лошадей моего отца? Нет-нет, вы не доставите нам этим никакого беспокойства! Вы вернете ее, когда мы приедем в столицу.

Шевалье искренне поблагодарил меня за такую заботу и, хоть и с некоторыми сомнениями, моим предложением воспользовался.

Когда гости в сопровождении слуг выехали со двора, Джемма фыркнула:

— Какая же ты еще дурочка, Алессандра! С какой стати ты отдала ему лошадь? Он вполне мог воспользоваться лошадью своего слуги. Его статус не столь высок, чтобы считать это недопустимым. Он — всего лишь шевалье.

Я пожала плечами и отправилась в дом. Слова кузины были мне неприятны. В нашей конюшне было много лошадей, и я не сомневалась, что отец вполне одобрит мой поступок. К тому же, мне отчего-то доставляло удовольствие думать о том, что если шевалье в столице нанесет нам визит, чтобы вернуть лошадь, то мы с ним снова встретимся.

♣2. Приезд в столицу

Те два дня, что мы ехали в карете до столицы, Джемма учила меня уму-разуму:

— Ты должна вести себя в столице как подобает дочери маркиза. Оставь свою провинциальность дома.

Она была старше меня на целых два года и считала возможным давать мне советы по любому поводу. Самой ей давно уже следовало бы блистать в столице, но после смерти ее отца — графа Маршала — им с матушкой остались одни долги. Поэтому Джемме приходилось терпеливо дожидаться, когда я достигну возраста, позволяющего мне выезжать на балы, чтобы отправиться в Лиму с нами.

Мы выехали в столицу все вместе — я, папенька, Бланш, Джемма и ее мать — вдовствующая графиня Маршаль. Моя сестра была еще слишком юна, чтобы быть представленной ко двору, и она слушала наши с кузиной разговоры с плохо скрытой досадой. Весь бальный сезон ей предстояло просидеть в особняке, что мы сняли в предместье Лимы, довольствуясь прогулками с папенькой в парке и редкими выездами в театр.

— На балах и приемах нам будут представлять самых разных кавалеров, — тоном великосветской львицы продолжала Джемма. — Если тебя познакомят с бароном или графом, адресуй им самую холодную из своих улыбок — чтобы они сразу поняли, что ты не расположена продолжать знакомство. Запомни — нас интересуют только маркизы и герцоги.

Она говорила негромко, но сидевший напротив папенька всё-таки услышал ее и хмыкнул в усы.

— Отчего же не принцы? — рассмеялась я.

Кузина с сожалением признала:

— Боюсь, для принцев мы недостаточно родовиты.

Первую неделю в столице мы потратили на то, чтобы обустроиться в нашем особняке и завести знакомство с ближайшими соседями, среди которых представителей высшей знати, к вящему разочарованию Джеммы, не оказалось.

♣Потом мы стали изучать достопримечательности столицы – проехали в открытом экипаже по центральным улицам и площадям, погуляли в парках. Театральный сезон еще не начался, но папенька обзавелся билетами на премьеру.

Джемма выдержала паузу и, наконец, послала сообщение герцогу де Ламару о нашем прибытии в Лиму. На следующий же день и герцог, и шевалье де Монкур нанесли нам визит. Шевалье вернул лошадь, а его светлость привез приглашения на бал.

– Он состоится через две недели. Как вы знаете, сезон открывается большим балом в королевском дворце, на который приглашены лишь избранные. Но поверьте, мой бал соберет не менее изысканное общество, и я буду рад представить вас своим знакомым. Кузина просияла – если нас введет в столичное общество один из первых вельмож Линарии, это сразу позволит нам выделиться среди дебютанток.

Герцог опять болтал без умолку, изредка позволяя Джемме выразить горячее одобрение или искреннее восхищение. Папенька предпочитал молча слушать.

Мы с шевалье сидели чуть поодаль, и я была этому рада – мы могли тихонько разговаривать, и с каждой следующей минутой разговора он нравился мне всё больше и больше. Я понимала, насколько это неразумно – увлечься совсем незнакомым мужчиной, не имея представления ни о его семье, ни о его материальном положении, ни о его характере. Но он был умен, очарователен и прекрасно воспитан.

Брак с шевалье для меня, дочери маркиза, стал бы мезальянсом, но я могла надеяться, что папенька не станет придавать этому значение, если поймет, что именно этот мужчина может составить мое счастье. У отца не было наследников мужского пола, а поскольку в Линарии не применялся майорат, отец мог обратиться к королю с просьбой о пожаловании титула маркиза мужу одной из своих дочерей. Конечно, это дало бы повод для пересудов в обществе, но меня это совсем не волновало – я и без этого отнюдь не рассчитывала покорить светское общество. Мне понравилась Лима, но куда больше мне нравился наш небольшой провинциальный городок. Я была не столь честолюбива, как Джемма, и не стремилась непременно стать герцогиней.

♣Впрочем, думать об этом после всего лишь второй встречи с Монкуром было верхом легкомыслия. Я видела, что нравлюсь ему, но были ли его чувства серьезны?

Я часто читала в романах о любви с первого взгляда, но никогда не думала о том, что подобное случается не только на страницах книг. – Ах, Сандра, я должна выйти замуж за де Ламара! – после того, как гости уехали, мы с кузиной закрылись в нашей общей спальне – нам было необходимо всё обсудить.

Такая решительность Джеммы меня изрядно напугала.

– А ты не думаешь, что он может быть с кем-то помолвлен?

Трудно было поверить в то, что столь блестящий кавалер был свободен. В столице полным-полно богатых и знатных барышень, одна из которых уже могла его пленить. Он был совершенно не в моем вкусе, но я понимала, что он – завидный жених.

– Я должна узнать о нём как можно больше! – подпрыгнула на кровати кузина. – Маменька завтра собирается навестить свою

подругу, которая наверняка поделится с нами самыми свежими светскими сплетнями. Если его светлость окажется помолвленным, я просто сойду с ума.

А я подумала, что сошла бы с ума, окажись моим супругом столь болтливый мужчина. Но разве я могла осуждать Джемму за то, что она пыталась найти для себя выгодную партию?

Мы не надеялись получить приглашения на первый бал сезона, который должен был состояться в королевском дворце, но мы их получили! Джемма едва не лишилась чувств, распечатав изящный, пахнувший жасмином конверт с вензелем его величества.

Чуть успокоившись, она заявила, что для такого бала требуются самое шикарное платье и изысканные украшения, и новые туфельки. Я же отнеслась к этой новости почти спокойно – вряд ли на этом балу я могла встретить шевалье де Монкура. А раз так, то это событие не вызывало у меня большого интереса.

▲3. Подготовка к балу

Для своего бального платья я выбрала шелк нежно-кремового цвета. Портниха предложила украсить наряд жемчугом по вороту и дорогими нурландскими кружевами по рукавам и подолу. Но мне показалась ненужной эта роскошь. Я не хотела привлекать к себе внимание на первом же балу. Я слишком плохо знала светский этикет, чтобы чувствовать себя уверенно в королевском дворце. У нас в Суреле было куда меньше церемоний.

А вот Джемма решила не скромничать – тем более, что все расходы взял на себя наш отец, – и остановилась на ярко-розовом материале. Да, кружев побольше! И золотую цепочку на веер из страусиных перьев! И позолоченные пряжки на туфлях!

– Твой наряд мне нравится куда больше, – шепнула мне Бланш, когда мы приехали на примерку. – Только Джемме не говори, она обидится.

Мы заговорщически улыбнулись. Мы всегда понимали друг друга с полуслова. У нас даже магия была одинаковой.

После посещения модного салона мы позволили себе прогуляться по столице – велели кучеру проехать по Дворцовой площади, а потом свернуть на Набережную.

Королевский дворец показался нам огромным и величественным. Останавливаться подле него было нельзя, но мы еще долго оглядывались, когда он остался позади. Через несколько дней нам предстояло изучить его изнутри, и одно только предвкушение этого наполняло наши сердца трепетом.

А вот на Набережной мы вышли из экипажа, чтобы полюбоваться кораблями. В Суреле не было моря, и мы знали о нём только из книг и рассказов папеньки. Здесь, в центре Лимы стоять на рейде имели право немногие корабли, поэтому мы увидели только трехмачтовый парусник с королевским штандартом да еще несколько шхун чуть меньшего размера. Но мы были рады и этому. Солнце уже садилось, и паруса были окрашены в ярко-оранжевый цвет.

На расположенной неподалеку площади Доблести (ах, сколько в Лиме площадей!) стоял памятник королеве Алэйне – той самой

▲королеве, что полтора столетия назад вернула магию в источник в королевском саду.

– Какая она красивая, правда? – прошептала Бланш, любуясь

статуй.

Ее величество сделала для Линарии так много, что в ее честь были названы улицы и площади почти во всех крупных городах страны.

— О, да! — согласилась я.

Ее величество Алэйна Первая вернула магию не только в источник — она вернула ее народу. Когда она взошла на престол, то разрешила применять магические заклинания безо всяких лицензий даже простому народу — по всей Линарии были открыты магические школы для крестьянских детей, обладавших нужными способностями. Среди аристократов это решение вызвало много толков — не все смогли смириться с тем, что был отменен многовековой запрет на использование магии лицами неблагородного происхождения. Но время доказало правоту королевы — могущество Линарии настолько возросло, что все соседние страны старались заключить с нами союз. Правда, потомки Алэйны не смогли или не захотели продолжить ее начинания. Уже ее сын Риан Шестой пошел на поводу у кучки ретроградов, потребовавших сначала вернуть лицензии, а затем и закрыть бесплатные школы для детей из народа.

— Вы только посмотрите, какая карета! — возглас Джеммы повернул мои мысли совсем в другом направлении.

Мимо проезжал экипаж с золотым вензелем на дверце, и кузина смотрела на него, открыв рот. Не сомневаюсь, она расскажет об этом сегодня за ужином во всех подробностях и намекнет, что нам тоже неплохо было бы обзавестись новой каретой, потому что поехать на бал в королевский дворец в старой — это моветон. И тетушка, конечно, ее поддержит.

Я хмыкнула — прикладывать такие усилия, чтобы произвести впечатление на совсем незнакомых нам людей, казалось мне пустой тратой и времени, и денег.

Мы вернулись домой уже под вечер, и папенька встретил меня лукавой улыбкой.

— Тебе сегодня доставили подарок, моя дорогая!

♣Он протянул мне книгу в красивом переплете. Она еще пахла типографской краской.

— Это мне, правда? — я взяла ее в руки почти с робостью. Сердце затрепетало от неожиданной догадки.

Во всей Лиме у меня не было других знакомых, кроме герцога де Ламара и шевалье де Монкура. Но представить себе, чтобы его светлость выбрал в подарок кому-то именно книгу, было решительно невозможно.

Да, я не ошиблась — в фолиант была вложена карточка с повторением тех слов благодарности, что шевалье уже адресовал мне при первом визите. Право же, та маленькая услуга, что я ему оказала, совсем не стоила подобных церемоний.

Но я была счастлива. И даже ворчание Джеммы было не способно испортить мне радость от жеста шевалье де Монкура.

— Ты должна вернуть подарок! — без тени сомнений заявила кузина.

— С чего бы это? — огрызнулась я.

— Сандра, как ты не понимаешь? — удивилась она. — Принимая подарок, ты даешь шевалье понять, что не против продолжения знакомства. А ведь я уже говорила тебе, что такие поклонники, как он,

не добавляют девушке нужной известности в свете. Напротив, могу подумать, что раз ты принимаешь ухаживания человека, стоящего ниже тебя по положению, то в тебе есть какие-то изъяны. Я не сдержалась и хихикнула. Джемма обиженно поджала губы и замолчала. А я решила, что не обязана считаться с ее мнением – пусть даже она и была меня старше. Если бы папенька думал так же, как она, то он сам запретил бы мне принимать подарок. А раз он не сделал этого, то я позволила себе думать, что он, как и я, счел шевалье человеком достаточно воспитанным и благородным, чтобы продолжать с ним знакомство.

♠4. Бал

– Джемма, где же ты? Сколько можно крутиться перед зеркалом? – тетушку уже трясло – то ли от волнения из-за предстоящего бала, то ли от нетерпеливого ожидания. – Появиться в бальной зале после его величества будет немыслимым оскорблением, и если такое случится, то будь уверена, двери всех светских салонов Лимы будут для нас закрыты.

Только эта угроза и заставила кузину поторопиться. Ходя даже когда мы уже спускались по ступенькам крыльца к карете, она продолжала беспокоиться, что в ее прическе недостаточно шпилек с бриллиантами, и никак не хотела верить папеньке, что очарование ей придавали не столько новое платье и драгоценности, сколько молодость и веселый нрав.

А вот Бланш было совсем невесело – она провожала нас с таким постным видом, что, честное слово, я едва не осталась дома.

– Ну, что за глупости, Сандра? – попеняла мне на это Джемма. – Бланш слишком юна, чтобы думать о балах. К тому же, она не может быть представлена ко двору одновременно с нами – есть определенные правила, нарушать которые мы не должны. Младшая сестра имеет право появиться в свете только тогда, когда старшая уже будет там принята.

– Именно так, дорогая! – поддержала ее тетушка.

Графиня изрядно нервничала из-за того, что ее дочь будет дебютировать в столице в том возрасте, когда многие ее ровесницы уже имели знатных мужей и прочное положение в обществе. Дополнительных переживаний им обеим добавили сведения о том, что герцог де Ламар, по слухам, вот-вот должен был объявить о своей помолвке. Эту информацию они получили накануне от старой подруги графини и теперь пребывали в унынии. Конечно, официально он был еще свободен, но если он уже дал слово какой-то знатной девице, то вряд ли решится нарушить его из-за понравившейся ему девушки из провинции. Тем более, что Джемма была бедна.

– Ах, милочка, – пыталась успокоить то ли себя, то ли Джемму тетушка, – может быть, всё это не более, чем досужие сплетни. Не

♠думаю, что его светлость стал бы так щедро раздавать тебе авансы, если бы был связан обещанием с другой. Конечно, о таком авантажном мужчине много говорят, но знает ли он сам об этих слухах?

Кузина несколько приободрилась и вышла из кареты перед крыльцом королевского дворца в самом воинственном расположении духа, готовая своими красотой и напором затмить любую соперницу. Впрочем, ее решимость заметно поубавилась, стоило нам только оказаться внутри резиденции его величества. Там было столько

роскоши и огней, что я на мгновение закрыла глаза. Папенька никогда не жалел средств на обустройство нашего имения, но то, что в Суреле нам казалось верхом великолепия, сейчас воспринималось совсем по-другому.

Мы ступили на великолепный ковер на высокой лестнице, и мне показалось, что мы идем по траве — до того мягким и ворсистым он был. Было ужасно жаль топтать его — после того, как этим вечером по нему пройдутся сотни, а то и тысячи ног, он потеряет свой парадный вид. А он наверняка стоил больше, чем наши с Джеммой драгоценности вместе взятые.

Я поделилась с кузиной этой мыслью, но она только хмыкнула в ответ:

— Право же, Сандра, это такая ерунда! Его величество может менять ковры во всём дворце хоть каждый день. А ты вместо того, чтобы думать о подобных глупостях, лучше бы была более внимательна к тем, кого мы тут встречаем. Некоторые молодые люди разглядывают нас слишком пристально. Ах, это даже неприлично! Но, несмотря на внешнее возмущение, было видно, что подобное внимание ей весьма польстило. Правда, она не знала, насколько знатны были эти пока незнакомые нам кавалеры, но первый шаг к покорению Лимы был сделан.

— Уверена, после сегодняшнего бала о нас будут говорить, — шепнула она мне на ухо.

Лучше бы она мне этого не говорила. Как только я подумала о том, сколь многие станут оценивать нас на этом балу, так тут же споткнулась. Папенька подставил мне руку и ободряюще улыбнулся. В бальной зале было столько народа, что мне стало трудно дышать. Я не понимала, как кто-то в здравом уме захочет здесь танцевать. Все места рядом с пока еще пустующим тронem и окнами

▲были заняты, и мы притулились возле одной из колонн недалеко от входа. Джемма то и дело оглядывалась, пытаясь отыскать в толпе герцога де Ламара. И скоро ее поиски увенчались успехом.

Его светлость стоял довольно далеко от нас в окружении увешанных орденами генералов. Кузина сразу воспряла духом, увидев, что рядом с объектом ее симпатии не оказалось ни одной молодой девицы, а те женщины, которые время от времени подходили к нему, находились уже не в том возрасте, чтобы к ним ревновать.

— Ты видела, да? — щеки Джеммы порозовели. — Он посмотрел в нашу сторону. Думаю, он ожидал нашего появления. Как ты полагаешь, могу я надеяться на то, что он пригласит меня на первый же танец?

Я полагала, что ей вообще не следовало надеяться на танец с герцогом — по крайней мере, на этом балу. Быть может, когда мы станем гостями в его дворце, он и окажет кузине подобный знак внимания, но рассчитывать на это сейчас было верхом легкомыслия. Наверняка, все танцы его светлости давно уже расписаны. Но Джемме я этого не сказала.

Я украдкой разглядывала наряды стоявших рядом дам и радовалась тому, что мы появились во дворце в новых платьях — те, что мы привезли с собой из Суреля, смотрелись бы здесь нелепо. Я заметила, что почти все молодые девушки предпочли наряды пастельных тонов, и только Джемма и еще несколько гостей выбрали более яркие краски.

– Говорят, его величество не любит балы, – с сожалением заметила кузина. – Я слышала, иногда он вовсе не танцует. Я едва сдержала улыбку. Не мечтала ли она о танце с самим королем?

Я тоже была наслышана о том, что его величество был чужд праздных развлечений. Он вступил на престол в совсем юном возрасте, рано лишившись родителей, и это наложило отпечаток на его характер. Все, кто имел честь бывать при дворе, отзывались о нём как о весьма ученом муже и блестящем дипломате.

– Как жаль, что этот бал проходит в самом начале сезона, – вздохнула Джемма. – Мы еще ни с кем почти не знакомы. Ты же понимаешь – этикет не позволяет приглашать на танцы девушек, с

▲которыми кавалер не знаком. Если мы простоим все танцы у этой колонны, это будет такой позор!

– Не беспокойся, дорогая, – вмешалась тетюшка. – Маркиза Ксавье непременно представит нам парочку достойных молодых людей.

Джемма немного взбодрилась. Мне же были неприятны подобные разговоры. Я не считала нужным кому-либо что-либо доказывать и на первом своем балу предпочла бы просто понаблюдать за другими гостями.

Церемониймейстер стукнул жезлом о пол, призывая собравшихся к молчанию.

– Ах! – воскликнула кузина и испуганно прикрыла рот ладошкой.

Мне показалось, что от волнения она была близка к обмороку.

– Его величество Этьен Третий – король Линарии и сопряженных земель! – возвестил церемониймейстер.

Мужчины склонились, а женщины застыли в реверансах.

Мы с Джеммой тоже присели. Я не знала, как долго нужно было находиться в церемонном поклоне, и спустя несколько мгновений осмелилась приподнять голову. И тут же едва не лишилась чувств.

Мужчиной, которого приветствовали столь почтительным образом, был шевалье де Монкур!

▲5. Сомнения

Сначала я подумала, что мне поблазнилось. Волнение, духота в зале, тайное желание увидеть шевалье – вот и приняла желаемое за действительное. Я даже незаметно ущипнула себя. Но видение не исчезло.

Шевалье де Монкур в дорогих, украшенных вышивкой и драгоценными камнями одеждах, шел по проходу к трону, время от времени чуть наклоняя голову, чтобы поприветствовать своих подданных.

К тому же, вытянувшиеся лица кузины и тетюшки сказали мне о многом. Если мне и привиделось что-то, то и им явно привиделось то же самое.

Графиня Маршаль не выдержала первой.

– Разве это не тот самый молодой человек, что был у нас с визитом? – тихо спросила она и поднесла лорнет к лицу.

Папенька крикнул, но ничего не ответил. Здесь было неподходящее место для обсуждений той особы, которую нам всем сейчас хотелось обсудить.

Хуже всех восприняла ситуацию Джемма – она так побледнела, что стоявшая рядом незнакомая нам дама предложила ей нюхательную соль.

– Вполне понимаю ваше волнение, мадемуазель. Помню, когда я впервые увидела короля (это было отец нашего нынешнего величества), то чувствовала себя ровно так же, как вы.

А у Джеммы не нашлось сил даже на то, чтобы поблагодарить даму за такое участие.

Его величество уже сидел на троне, а герцог де Ламар стоял подле него. И если до этого момента у нас еще оставались какие-то сомнения относительно увиденного, то теперь они испарились.

Даже всегда невозмутимый папенька заметно нервничал. Должно быть, он, как и я, как и Джемма, прокручивал в памяти каждую минуту нашего общения с шевалье, пытаюсь понять, не допустили ли мы какой оплошности, которая была бы неважна прежде, но становилась вопиюще важной сейчас. Ах, ну конечно же, допустили! Я не была

▲знатоком великосветского этикета и просто поступала так, как мне подсказывало сердце.

Ах, как стыдно мне было сейчас за то, что я осмелилась пожалеть того, кто в этой жалости совсем не нуждался. У меня запылали щеки, как только я вспомнила, как пыталась поддержать шевалье во время наших бесед, и как боялась, что его может обидеть бесцеремонность кузины.

На смену стыду пришла обида. Как он мог так поступить с нами?

Должно быть, уезжая от нас, он смеялся над нашим гостеприимством.

Быть может, даже рассказывал о нас приближенным вельможам.

Провинциалы, не сумевшие узнать своего короля!

Теперь, возвращаясь к своим мыслям о возможном браке с шевалье, я едва не плакала от досады. Как я могла подумать, что он всерьез мной увлечен? И, быть может, я не только думала об этом, но и позволила заметить свои чувства самому шевалье? Ах, если так, то обо мне станут говорить по всей Лиме! Провинциальная дурочка, вообразившая себя предметом симпатии самого короля!

Наверно, выглядела я неважно, потому что папенька спросил:

– Может быть, вы с Джеммой хотите вернуться домой?

Да, я очень этого хотела!

Но тетушка прошипела:

– Ты с ума сошел! Как можно уйти с королевского бала раньше нескольких танцев? Об этом тут же доложат его величеству. Если девочки чувствуют себя дурно, можно выйти в сад и попросить лакея принести воды.

Именно так я и вознамерилась поступить. Выйти в сад и просидеть там до самого окончания бала. А потом, вернувшись домой, уговорить папеньку оставить Лиму и отправиться в Сурель.

Но даже этого я не сумела сделать. Заиграла музыка, и гости отступили к стенам, высвобождая центр зала.

Король поднялся.

– Его величество желает танцевать! – пронесся по залу изумленно-восторженный шепот.

Почтенные дамы и седовласые мужчины засуетились, выставляя вперед своих дочерей и племянниц, которые вытянулись в струнки и нацепили на лица самые широкие улыбки, какие только смогли подобрать.

♣Даже я – невежда в правилах дворцового этикета – понимала, насколько значим был именно первый танец на первом в сезоне балу. Девушка, которую король удостоит своим вниманием, сразу выделится в общей толпе.

Я понятия не имела, как происходит выбор партнерш на балах подобного уровня. Делает ли выбор сам его величество, или специальные люди составляют списки достойных этого особ. В любом случае, я понимала, что такие решения принимаются не сгоряча, а задолго до самого мероприятия, и желание стоявших рядом девиц привлечь внимание короля показалось мне немного смешным.

Впрочем, мне ли было осуждать их?

А его величество, меж тем, шел по залу в нашу сторону.

– Он идет к Энрике де Крелон! – пискнул кто-то за моей спиной.

Я не знала, кем была мадемуазель де Крелон, но сразу угадала ее среди собравшихся. Красавица-блондинка в роскошном серебристом платье стояла неподалеку от нас. На губах ее играла легкая улыбка, готовая вот-вот смениться торжеством.

Но, как ни странно, его величество вдруг изменил направление движения и, повернувшись, остановился прямо подле нас.

Я чуть пошатнулась, и папенька поддержал меня под локоть. Мы с его величеством встретились взглядами. Не знаю, что он прочитал в моем, но я в его увидела совсем не насмешку, а раскаяние и робкую (да-да!) надежду.

– Мадемуазель де Сурель, вы подарите мне этот танец?

♣6. Танец

Я не запомнила, как мы вышли в центр зала, как замерли в позах, соответствующих началу танца. Я ужасно боялась допустить какую-нибудь ошибку – перепутать фигуры, сделать неловкое движение, оступиться. К счастью, этого не случилось – наш учитель танцев из Суреля знал свое дело, и мы с Бланш, наверно, смогли бы танцевать даже во сне.

Со всех сторон я видела обращенные на нашу пару взгляды – изумленные, любопытные, осуждающие. Но мне претило такое внимание. Теперь, когда стало ясно, что шевалье де Монкур – совсем не шевалье, я предпочла бы более вовсе не встречаться с ним.

Мне хотелось скорее забыть о своих глупых мечтах, и я не понимала, зачем его величество пригласил меня на этот танец. Я не смогла выдавить из себя даже самую жалкую улыбку и, конечно, не осмелилась произнести ни слова.

Его величество первым начал разговор.

– Прошу вас, простите меня, мадемуазель, если своим обманом я вас невольно обидел. Поверьте, я этого совсем не хотел. Когда я приехал в ваше поместье, я и подумать не мог, что встречу там девушку, чье мнение станет столь важным для меня.

Он замолчал, явно ожидая от меня хоть какого-то отклика. И я спросила тихонько:

– Ваше величество, но зачем вам потребовался этот маскарад?

И сразу же почувствовала жар на щеках – не прозвучало ли это слишком дерзко? Король волен делать то, что ему заблагорассудится, он не обязан был объяснять мне мотивы своих поступков.

Но он ответил.

– Я всего лишь хотел увидеть Линарию такой, какой ее видят мои подданные, а не из окна золоченой кареты. Если бы я отправился в путешествие не инкогнито, а под своим настоящим именем, то повсюду встретил бы лесть и показное радушие. А так я оставался в тени его светлости – именно Ламару оказывалось внимание хозяевами тех замков, где мы останавливались. Меня же никто не замечал. Это было непривычное и весьма любопытное ощущение. К

▲тому же, оказывать прием королю было бы слишком обременительно для большинства из линарийских дворян. Поверьте, я совсем не любитель светских церемоний, и был рад обойтись без них. Я не могла не признать справедливость его слов. А то, с какой тайной грустью он их произнес, заставило мое сердце затрепетать от жалости.

Быть может, рядом с ним было слишком мало людей, которые могли говорить ему правду, и которые ценили бы его не за то, что он облечен властью, а за его личные качества.

– Вы же простите меня, правда?

Мне показалось, что мой ответ был важен для него. И я ответила коротко:

– Да.

И забыла добавить «его величество».

Но он совсем не обиделся. Наоборот – когда я всё-таки решилась на него посмотреть, то увидела в его взгляде не уверенность, не торжество, а тихую радость – ту самую, которую я замечала у него прежде – тогда, когда он был для меня простым шевалье.

Танец закончился, и наш разговор тоже. Но я успела задать еще один вопрос:

– Вы не обидитесь, ваше величество, если мы с отцом покинем бал, не дожидаясь его завершения? События сегодняшнего вечера оказались для меня слишком волнительными.

Мне многое необходимо было обдумать, а делать это в переполненном зале было невозможно. В добавок ко всему, я понимала, что стоит мне оказаться вдали от его величества, как гости станут разглядывать меня с куда большей бесцеремонностью, и вряд ли дело ограничится только взглядами. Я не сомневалась, что меня уже обсуждают и осуждают, и не хотела слушать шепотки и насмешки за своей спиной.

– О нет, прошу вас, оставайтесь! – кажется, его величество был взволнован не меньше меня. – Я понимаю, здесь многолюдно и душно, но вокруг дворца – чудесный сад, и я буду рад, если вы сочтете возможным по нему прогуляться. Сам я, к сожалению, вынужден исполнять свои обязанности хозяина и пока не могу оставить гостей, но я хотел бы сегодня снова увидеть вас в этом зале. Я наклонила голову, не в силах ему отказать.

▲Его величество сопровождал меня до той колонны, где стояли мои родные, и поблагодарил меня за танец.

– Давайте выйдем на свежий воздух! – пролепетала я, когда его величество удалился.

Боюсь, без поддержки отца я не смогла бы сделать и нескольких шагов. Но так, опираясь на его всё еще крепкую руку, я вышла из зала. Какой-то мужчина в красивой ливрее провел нас по длинным коридорам и отошел на приличное расстояние, когда мы, наконец,

оказались в саду.

Но когда я ожидала найти на улице тишину и спокойствие, то я ошибалась. В саду было довольно много гуляющего народа, и почти все, мимо кого мы проходили, разглядывали меня без всякого стеснения. Повсюду нас сопровождал сдержанный шепот, и я не сомневалась, что мне не понравились бы те слова, доведись мне их расслышать.

Впрочем, через некоторое время я обнаружила, что мы-таки остались одни — я, папенька, и тетушка с Джеммой. Мы как-то незаметно прошли в ту часть сада, куда не допускались посторонние. Я даже испугалась, что мы нарушили какой-то негласный запрет. Но, оглянувшись, увидела, что в нескольких десятках шагов от нас маячила фигура того самого слуги, что так любезно нас сопровождал. Значит, в этот вечер нам позволили несколько больше, чем другим гостям. Эта мысль была волнительна и отчего-то приятна.

Но долго думать об этом мне не позволила кузина.

— Ты узнала его, Сандра! — выдохнула она и разрыдалась. —

Признайся — ты сразу узнала его еще в Суреле, потому и выделила его. А я, глупенькая, еще удивлялась, что интересного ты могла найти в каком-то шевалье!

— Джемма, что ты такое говоришь? — изумилась я. — Как я могла узнать человека, которого никогда не видела?

— Ты могла узнать его по гравюрам из геральдического вестника! Не зря же ты столько времени проводила в библиотеке! Но ты должна была меня предупредить! Тогда я не вела бы себя так вопиюще невежливо. Тебе должно быть стыдно, что ты решила выделиться за счет меня!

Подобные обвинения были нелепы, и думаю, Джемма понимала это сама, потому что она довольно быстро перестала меня упрекать, но

▲еще очень долго заливала слезами и свое, и мое платье. Мы сели на скамейку, и кузина уткнулась головой мне в плечо.

— Ах, Сандра, как я могла не заметить его благородства? Да одних только выправки и уверенности в суждениях должно было хватить, чтобы понять, что перед нами — человек высокого ранга. Уверена, его величество никогда не простит мне тех оскорбительных замечаний, что я ему сделала.

При этих словах тетушка испуганно закудаhtала, и мне пришлось успокаивать еще и ее. Папенька наблюдал за нами с привычной ироничной усмешкой.

Мы провели в саду не меньше часа, и я с удовольствием осталась бы тут и дольше, но слуга в ливрее подошел к нам чуть ближе и с поклоном произнес:

— Его величество просит вас вернуться в зал.

▲7. Невеста короля

Оказалось, что настало время того танца, после которого его величество обычно оставлял бальную залу, давая возможность гостям повеселиться в более непринужденной обстановке. Я шла за слугой по коридорам, одновременно ожидая и боясь того, что король пригласит на этот танец именно меня. Быть может, это было слишком самонадеянным, но для чего бы еще он позвал меня в зал. Мое первое волнение улеглось, и я готова была противостоять толпе, которая, совсем не зная меня, уже наверняка аттестовала меня

не в самом лучшем свете. Мне нравился молодой человек, которого я знала как шевалье де Монкура, и разве должна была я поменять свое мнение о нем лишь потому, что он оказался королем?

Музыка заиграла как раз в тот момент, когда я вернулась в залу, и его величество тотчас же оказался рядом.

На сей раз во время танца нам пришлось несколько раз обмениваться партнерами, и каждое такое расставание было мне неприятно. Зато я сумела почувствовать, сколь много значило в свете внимание короля – незнакомый мне мужчина, с которым я вынуждена была провести часть этого танца, улыбался мне столь заискивающе, что я почувствовала себя неловко. Вдобавок ко всему четвертой танцующей в нашем квартете оказалась мадемуазель де Крелон, и ее взгляды на меня не отличались дружелюбием.

Но танец закончился, и его величество, поцеловав мне руку, сказал, что будет надеяться на нашу новую встречу. Он, как и ожидалось, удалился из залы, и сам бал вмиг потерял изрядную часть своего великолепия.

Хотя музыка еще звучала, а танцы продолжались, многие гости потянулись к выходу – покинуть бал сейчас уже не считалось моветоном, и те, кто не любил светские развлечения и присутствовал здесь только из уважения к королю, предпочли поехать домой. В их числе оказались и мы. Против этого не протестовала даже Джемма – она была не в том состоянии, чтобы танцевать, и бал уже не доставлял ей радость. Нужно ли говорить, что нашу карету ко крыльцу подали первой, и нам совсем не пришлось ждать?

▲Всю дорогу до нашего особняка мы провели в молчании. И даже когда встретить нас выбежала Бланш, я в ответ на ее расспросы только покачала головой – утром, я расскажу всё утром.

Мне едва хватило сил снять платье и украшения, и едва упав на кровать, я сразу же погрузилась в сон. И снился мне бал, на котором я снова и снова танцевала с его величеством.

– О, это правда, что шевалье де Монкур оказался королем? – когда я проснулась, Бланш уже сидела у меня на кровати. – Кто бы мог подумать, что такое возможно? Да-да, Джемма мне всё рассказала! Она так расстроена из-за того, что была с ним не очень вежлива. Но кто же в этом виноват, кроме нее самой, правда? Надеюсь, в следующий раз она не станет судить о людях по одежке.

Я улыбнулась и кивнула. Почему-то я была уверена, что его величество не затаил на Джемму зла, а вот для нее эта история могла стать хорошим уроком.

– Но что же будет теперь, Сандра? Если его величество так явно проявил свой интерес к тебе, то это должно иметь какие-то последствия.

А вот на этот вопрос ответить я не могла. Следующий бал, на который мы были приглашены, должен был состояться во дворце герцога де Ламара, но я была уже не уверена, что хочу туда пойти. Не успели мы позавтракать, как в наш особняк потянулись визитеры. Поскольку мы еще не принимали, они ограничивались тем, что оставляли лакею свои карточки и многочисленные приглашения на светские мероприятия самого разного уровня – балы, музыкальные и поэтические вечера и просто обычные салоны. Кто бы мог подумать, что два танца на королевском балу сделают нас столь популярными? Даже Джемма немного взбодрилась, сразу оценив все

перспективы такого насыщенного выездами сезона. Бланш тоже повеселела – папенька посчитал, что на некоторые дневные мероприятия мы можем брать с собой и ее.

И только я пребывала в некотором смятении. Да, свет жаждал знакомства со мной, но только в качестве кого он меня воспринимал? На серьезные отношения с его величеством я надеяться пока не могла, а становиться одной из его фавориток я не собиралась. Да-да, несмотря на свою неопытность, я знала о том, что многие монаршие особы не стеснялись окружать себя женщинами, с которыми не были

▲связаны узами брака (я читала о таком в тех легкомысленных романах, которые в Сурель привозила Джемма).

Впрочем, не прошло и нескольких дней, как мои сомнения были развеяны. Его величество нанес нам визит, причем он пожелал увидаться не со мной, а с папенькой. Бланш сообщила мне об этом, подпрыгивая от нетерпеливого любопытства.

– Ах, Сандра, как ты думаешь, зачем он приехал? Чтобы попросить твоей руки?

Я только вздохнула. Бланш была слишком юна и наивна, чтобы осознать, сколь сложным был бы для короля подобный шаг. Но, как ни странно, сестра оказалась права, и через полчаса папенька пригласил меня в гостиную, где он беседовал с его величеством, чтобы сообщить мне, что король сделал мне предложение. Я не нашлась, что сказать в ответ, и папенька тактично удалился, давая нам возможность поговорить наедине.

– Ваш отец сказал, что он дает согласие на наш брак, если у вас не будет к тому возражений.

Его величество находился на другом конце комнаты и не делал попыток приблизиться, за что я была ему благодарна. Я не хотела, чтобы он заметил мои робость и смущение. Я понимала, что должна что-то ответить, но слова словно застыли на губах.

– Значит, вы против? – голос его величества дрогнул.

А я, наконец, опомнилась и воскликнула:

– Нет, конечно, нет, ваше величество! Но я не хотела бы, чтобы вы принимали столь важное решение столь скоро – быть может, вы станете о нём сожалеть. Вы – король Линарии, а я – всего лишь дочь маркиза. Такой брак не сулит вам никаких политических выгод. Я говорила от души, хотя каждое слово давалось мне с большим трудом. Больше всего на свете я хотела бы стать его женой – нет-нет, не королевой, а всего лишь женой человека, который понравился мне с первого взгляда. Но я не могла не осознать, сколь сильное неудовольствие такой союз вызовет в свете. Его величество мог заключить куда более полезный для страны брак с принцессой одного из соседних государств, укрепив, тем самым, силу Линарии.

– Но разве не сулит он мне простого человеческого счастья? – спросил его величество.

На это у меня не нашлось возражений.

▲На следующий же день мы прошли проверку на совместимость наших магий – это было обязательное условие заключения любого королевского брака. Впрочем, ни я, ни его величество (мысленно я уже начала называть его Этьеном, хотя еще не решалась произнести это имя вслух) в этой совместимости ничуть не сомневались.

О нашей помолвке было объявлено как раз на балу у герцога де

Ламара. Общество было не просто изумлено — оно было шокировано. Неподходящая пара, провинциальная выскочка, невежда, ничего не смыслящая в светском этикете — чего только я не услышала за своей спиной. Но, как ни странно, это почти не волновало меня. Когда я стану королевой, эти люди станут искать моего расположения с той же настойчивостью, с какой сейчас пытаются меня оскорбить. Неожиданно горячую поддержку я получила от кузины. Оказалось, что родство с будущей королевой сильно повысило ее шансы удачно выйти замуж, и теперь, где бы она ни появлялась, ее удостаивали вниманием самые блестящие кавалеры Лимы. И, кажется, герцог де Ламар уже готов был сделать ей предложение. Ну, а в одобрении младшей сестры я была полностью уверена. — Ты же позволишь мне жить у тебя во дворце? — то и дело спрашивала у меня Бланш. — Ох, как я хочу остаться в Лиме! Мне совсем не хочется расставаться с тобой и возвращаться в Сурель. Если отец позволит ей остаться со мной, я буду только рада. Мы с детства были очень близки друг с другом, и знать, что рядом находится человек, на которого я всегда могу положиться, было для меня сейчас как никогда важно.

▲8. Леони де Сурель

Мы с Этьеном хотели пожениться как можно скорее, но это было невозможно — свадьба короля должна была поразить подданных своей пышностью, а это требовало времени на ее подготовку. Необходимо было известить и монархов соседних стран, дабы те смогли прибыть на церемонию или прислать достойные подарки.

Я согла пригласить на свадьбу кого пожелаю, но у меня было не так много родных и совсем не было друзей. Моей лучшей подругой всегда была Бланш, а все близкие мне люди и так были сейчас в Лиме — папенька, Джемма и тетя Клэр.

— Я хотела бы отправить приглашение тете Леони! — сказала я однажды за завтраком и увидела, как вытянулись лица папеньки и тетушки.

О том, что у отца, помимо младшей сестры, были еще старшая и младший брат, я узнала от няни еще в детстве. Няня была уже старенькая и любила вспоминать, как она нянчила нынешнего маркиза де Сурель, а также его брата и сестер. Однажды я спросила о них у папеньки, и он ответил коротко и с видимым неудовольствием — да, у меня есть дядя и еще одна тетя, но где они, никто не знает, и он не советует мне о них говорить, потому что оба они опозорили род де Сурелей, и его покойный отец самолично вычеркнул их из геральдического вестника.

О, я обожала листать эту книгу! Там было описание гербов всех дворянских семейств Линарии и перечисление всех представителей каждого рода с незапамятных времен. И да, имен тети Леони и дяди Матео, в ней не было.

Я поняла, что отец ничего мне о них не расскажет, и чтобы удовлетворить свое любопытство, я пристала с расспросами к няне. А вот она говорила о них охотно.

По ее словам выходило, что в Леони еще с ранних лет проснулась магия целительницы, а роду де Сурель как раз принадлежал амулет, многократно усиливавший эти способности. Долгие годы считалось, что амулет потерял свою силу, когда было утрачено заклинание,

♣которое его активировало. Но Леони сумела подобрать нужные слова, и амулет признал ее и откликнулся.

«Как королева Алэйна, да? – восторженно спросила я у нянюшки. – Она ведь тоже умела придумывать заклинания!»

«Да, как королева Алэйна, – подтвердила старушка, явно гордясь тем, что ее подопечная оказалась в этом похожа на легендарную королеву Линарии. – Мадемуазель Леони хотела полностью посвятить себя врачеванию, но у вашего дедушки были на нее совсем другие планы. Он нашел ей жениха, которого посчитал достойным, и объявил о скорой свадьбе».

Дальнейшая история казалась мне волнующей и почти невероятной. Леони заявила, что не собирается выходить замуж, тем более – за сына графа Маршала, которого она назвала игроком и мотом. Дедушка оскорбился и заявил, что пока она ест его хлеб, она будет делать то, что он посчитает нужным. Начались приготовления к торжеству, но свадьба всё-таки не состоялась – потому что невеста сбежала.

Она исчезла из замка, не взяв с собой почти ничего (даже смены белья) – ничего, кроме целительского амулета.

Дедушка заявил, что не хочет больше ничего знать о той, которую он перестал считать своей дочерью, хотя время показало, что по крайней мере в отношении своего жениха Леони оказалась права – получив титул графа Маршала, тот промотал всё фамильное состояние, и тетя Клэр с Джеммой сейчас пожинали плоды его мотовства.

Тетя Леони никогда не просила помощи у родных, хотя, наверно, ей пришлось нелегко. И в родное поместье она вернулась лишь однажды, когда узнала о болезни отца. Она приехала предложить старому маркизу свою помощь, но он был слишком горд, чтобы ее принять. Он не пустил дочь даже на порог.

Но, как рассказывала нянюшка, он всё-таки любил Леони, потому что, велев закрыть перед ней ворота, он поднялся на самую высокую башню замка и смотрел на дорогу до тех пор, пока экипаж, в котором уезжала его дочь, не скрылся из вида.

Гордость не позволила ему признать свои ошибки. Более того, она не остерегла его от их повторения. Лишившись старшей дочери, он не стал мягче в отношении других своих детей.

♣За сына графа Маршала он выдал пусть не старшую, но младшую дочь, а Клэр не обладала сильным характером сестры и не осмелилась возразить. Этот брак никому не принес счастья, в нём не было не только любви, но даже уважения.

Не менее суров дедушка оказался и к моему дяде. Испокон веков младшие сыновья в роду де Сурель обретали себя на военном поприще, и именно этого старый маркиз ждал от Матео. Но более неподходящего для офицерской службы человека трудно было отыскать – как говорила нянюшка, он все свободное время проводил в библиотеке и мечтал поступить в университет и стать ученым. Но такая карьера показалась дедушке недостойной представителя славного рода де Сурелей, и он потребовал, чтобы сын отправился в армию. И никакие доводы Матео не заставили его переменить решение.

Дело закончилось тем же, чем и в случае с Леони, за тем лишь исключением, что молодой человек в замок так и не вернулся. И если о

тете мы знали хоть что-то — когда она приезжала в Сурель, то оставила карточку со своим адресом в предместье Лимы, — то о дяде Матео мы не знали ничего.

— Ты с ума сошла, Сандра! — возмутилась тетушка Клэр. — Как тебе в голову могло прийти пригласить Леони на королевскую свадьбу? Она сейчас возвращается в столь низком обществе, что мне стыдно, что она — моя сестра.

Папенька не был столь категоричен, но его ответ мало в чем противоречил ответу тетушки.

— Леони сделала свой выбор, и я не думаю, что она будет рада встрече с нами.

— Но разве ты не хотел бы ее повидать? Давай хотя бы просто съездим к ней — Дижонское предместье совсем недалеко.

Но даже это папенька с тетушкой посчитали неуместным. А у меня не было собственных средств, чтобы нанять извозчика. К тому же, я еще плохо знала Лиму и боялась одна выходить за пределы нашего сада.

Но я подумала, что непременно расскажу о тетушке Этьену после свадьбы — я не хотела ничего от него скрывать. И мы могли бы съездить к ней вдвоем — конечно, инкогнито, — просто, чтобы убедиться, что у нее все хорошо, и она не нуждается в нашей помощи.

▲9. Непростые обязанности королевы

Я мало что помнила из того дня, когда состоялась наша свадьба. Отложилась в памяти только сильная усталость. Это было связано и с платьем — роскошным, белым, столь щедро усыпанным бриллиантами, что оно казалось мне тяжелым рыцарским доспехом, — и с огромной толпой гостей, которой я должна была улыбаться, и с тем, что я всё время боялась сделать что-то не так. Во время церемонии важно было в точности следовать и гласно, и негласно установленным правилам, и хотя ко мне приставлен был помощник церемониймейстера, который на каждом шагу подсказывал мне порядок действий, я всё равно волновалась. На торжество в Лиму приехали вся высшая знать Линарии, а еще несколько глав и множество послов соседних государств.

Этьен подбадривал меня и взглядом, и улыбкой, но я продолжала дрожать до самого окончания церемонии в храме. На свадебном пиру было чуть легче — оголодавшие гости набросились на еду и крепкие напитки, и мы с Этьеном даже смогли поговорить.

Меня пугала еще и наша первая совместная ночь, но, как оказалось, совершенно напрасно. Этьен был нежен, и все мои неприятные ощущения были связаны исключительно с моей стыдливостью — я смущалась любопытных взглядов горничных, которые готовили меня ко сну и помогали мне привести себя в порядок на следующее утро.

Я ожидала, что с окончанием дня свадьбы всё станет проще и понятней, но сильно ошиблась в этом — скоро выяснилось, что королева столь же несвободна в своих действиях и желаниях, как какая-нибудь младшая служанка. Мне то и дело напоминали, как я должна одеваться, какими словами приветствовать посетителей, как отвечать на многочисленные письма с поздравлениями и просьбами. Нам с его величеством дали насладиться друг другом лишь пару дней, а потом мне стали представлять особо высших чиновников, их жен, дочерей и племянниц. Всё началось с первого министра Арно де

Крелона. Он появился в моих апартаментах, дабы засвидетельствовать

▲ мне свое почтение, а заодно и замолвить словечко за свою сестру – мадемуазель де Крелон.

– Ваше величество, в самые ближайшее время вы должны будете назначить главную статс-даму королевского двора – именно она будет заботиться о вашем удобстве и руководить статс-дамами и фрейлинами. Позвольте вас заверить, что моя младшая сестра Летиция де Крелон подходит для этой должности как нельзя лучше. Она ответственна, умна и блестяще знает дворцовый этикет.

Признаться, я боялась, что он будет хлопотать за совсем другую особу – за свою дочь Энрику, которую я уж точно не хотела бы держать подле себя.

Я обещала подумать, и он удалился, крайне разочарованный тем, что я не поступила так, как он мне подсказывал.

В тот же день ближе к вечеру я удостоилась визита еще одного чиновника – министра финансов маркиза Гастон Жомини. Он пожаловал вместе с супругой – Ванесс. Она была уже немолода, но имела приятную внешность и не менее приятные манеры.

– Вам понадобится утвердить целый штат фрейлин и статс-дам, ваше величество, – сказала она после того, как супруг представил ее должным образом. – Думаю, вы понимаете, ваше величество, насколько важно окружить себя по-настоящему преданными вам людьми.

Я кивнула, хотя пока не очень понимала все эти дворцовые хитрости. В число моих приближенных может затесаться девица, подосланная врагами Линарии? Эта мысль показалась мне смешной, и я невольно улыбнулась, чем вызвала осуждающее покачивание головы министра финансов.

– Напрасно вы не верите нам, ваше величество. Вы еще слишком юны и не понимаете, какие игры могут развернуться за вашей спиной. Поверьте – есть люди, которые пойдут на что угодно, чтобы скомпрометировать вас и перед его величеством, и перед вашими подданными.

– Скомпрометировать меня? – переспросила я удивленно. – Но зачем? У меня нет врагов.

Они переглянулись, пораженные моей наивностью. Ответила мне маркиза:

▲ – Ах, ваше величество, у любого лица в вашем положении есть враги. Я не хотела затрагивать этот вопрос, но вынуждена вас предупредить – не все при дворе были довольны выбором, который сделал его величество, но сейчас они сделают всё, чтобы завоевать ваше расположение. Они будут льстить вам в лицо, но поднимут камень, стоит вам отвернуться. Именно поэтому крайне важно, чтобы в вашем окружении было как можно меньше таких людей. К сожалению, полностью избежать их присутствия в штате ваших придворных не получится, но можно хотя бы не допустить их до главных женских должностей.

Мне было трудно это понять, и я решила пока воздержаться от каких-бы то ни было назначений – сначала стоило обсудить всё с Этьеном.

– И сколько таких должностей при дворе? – кое в чём мне всётаки нужно было разобраться.

Маркиза Жомини охотно начала перечислять:

— Главная статс-дама, пять статс-дам — все они, как правило, выбираются из семей высшего дворянства, получают жалованье и имеют знаки отличия, и пятнадцать фрейлин — эти обходятся без жалованья и довольствуются столом и проживанием во дворце.

— Пятнадцать фрейлин? — еще больше изумилась я. — Но что же они делают?

Теперь улыбнулась и маркиза:

— О, ваше величество, у них много обязанностей. Кто-то будет отвечать за ваше рукоделие — подаст вам пальца или подходящие по цвету нитки. Кто-то — за подбор драгоценностей к платью. Кто-то станет отвечать за вас на простую корреспонденцию. Кроме того, любая из дежурных фрейлин будет готова выполнить любое ваше распоряжение — захочется ли вам, чтобы она почтала вам книгу или развлекла вас музыкой или пением.

Дома всё это я делала сам, но я не стала возражать, дабы лишний раз не показать себя дремучей провинциалкой.

Из всех этих разговоров я поняла одно — при дворе было, как минимум, две противоборствующие партии, возглавляли которые как раз герцог де Крелон и маркиз Жомини. Но если эти люди думали, что я стану поддерживать кого-то из них, то они ошибались. Именно так я и сказала маркизу.

♣— Я не хотела бы вмешиваться ни в дела его величества, ни в государственные дела. Я далека от политики и во всём стану полагаться на мнение мужа.

Супруги Жомини снова переглянулись.

— Это весьма похвально, ваше величество, — ответил мне с поклоном министр финансов, — но, поверьте, у вас вряд ли это получится. Это большая игра, ваше величество, и вам придется в нее играть, и чем лучше вы разберетесь в правилах, тем больше будет шансов на выигрыш.

♣10. Тетя Леони

Когда я рассказала Этьену о нелегком выборе, который мне предстояло сделать, он только посмеялся.

— Если ты боишься обидеть моих министров, то совершенно напрасно. Ты им ничем не обязана — это они должны угождать тебе, Лесси, а не ты им.

Только он называл меня Лесси, и это так ласкало слух! Но ему легко было рассуждать так о своих придворных, для меня же они представлялись грозной силой, с которой я пока вынуждена была считаться.

— Ты не сможешь быть хорошей для всех, дорогая. Если ты выберешь сестру де Крелона, то обидятся Жомини, если выберешь кого-то из клана Жомини, обидятся Крелоны.

— А если я выберу кого-то третьего? — высказала я робкую идею.

Этьен отодвинул в сторону тарелку с остатками орехового пирожного и сказал совсем не то, на что я рассчитывала:

— Тогда обидятся и те, и другие. Поэтому просто познакомься со всеми дамами, которые подходят для этой должности, и выбери ту, которая тебе больше понравится.

— Но зачем мне пятнадцать фрейлин? — вспомнила я про другую

вопрос, который меня волновал. — Если мы сократим численность наших придворных, простой народ скажет нам «спасибо». Тратить немалые средства на содержание девушек, которые будут всего лишь подавать мне мотки шерсти или советовать, какое ожерелье надеть к новому платью, — непозволительная роскошь.

Этьен снисходительно махнул рукой:

— Поступай, как знаешь, дорогая. Но не забудь, что для некоторых из этих девушек служба при дворе — единственный источник дохода для их семей. Рассчитав их, ты обречешь их на голод. И так было с каждым решением, которое мне приходилось принимать — требовалось учесть столько всяких мелочей, что у меня голова шла кругом.

♣Когда я познакомилась с сестрой герцога де Крелона, то сразу отвергла ее кандидатуру — она показалась мне слишком властной и педантичной — боюсь, она вымуштровала бы не только фрейлин, но и меня саму. В этом смысле мне куда больше понравилась маркиза Жомини, и хотя я не была уверена в правильности своего выбора, я всё-таки сделала его в пользу маркизы.

Ее светлость знакомила меня с придворными и давала весьма ценные советы, ежедневно приучая меня к дворцовому этикету. Но куда больше приемов и балов мне нравились дела совсем другого толка — обязанностью королевы было раз в месяц принимать просителей,

стекавшихся

во

дворец

со

всей

Линарии.

«Жалобщиков» — как их однажды назвал герцог де Крелон. Для него они и были жалобщиками, обременявшими королевский двор своими просьбами, которые с высоты положения первого министра казались слишком мелкими. Для меня же эти обращения становились тем немногим, чем я реально могла помочь своим подданным. И я охотно выслушивала всех и принимала в их делах самое деятельное участие. Меня радовало и то, что Этьен и сам был не чужд проблем простого народа — как и прежде, он часто в простой одежде выезжал из дворца, чтобы лучше разобраться в том, что волновало крестьян, ремесленников и купцов. Иногда мы выходили в город вместе, и эти прогулки становились для меня настоящей отдушиной.

Там, за пределами дворцовых стен, даже воздух, казалось, был чище. И мы с Этьеном были одни, без докучливых фрейлин и министров. Конечно, я догадывалась, что нас повсюду сопровождали офицеры королевской стражи, но они не приближались к нам и старались оставаться незаметными. Хотя одного из них — серьезного молодого человека с белокурыми волосами и едва заметным пушком над верхней губой, я уже научилась выделять из толпы — судя по всему, Этьен особенно ему доверял.

Во время одного из таких выездов я попросила мужа съездить в Дижонское предместье — мне ужасно хотелось познакомиться с тетей Леони. Но в первый наш визит к ней я так и не решилась признаться, кто я такая. Мы просто разыскали ее дом и на его крыльце увидели ее саму — невысокую крепкую женщину с сильными руками и коротко

стрижеными курчавыми волосами. У нее была смуглая кожа и цепкий взгляд.

♣— Ты уверена, Лесси, что это — твоя тетя? — засомневался Этьен.

Но, судя по тому, что я слышала о ней от няни, это как раз она и была. Она не гнушалась мужской одежды и прекрасно обходилась без мужчин. Они с тетей Клэр были столь непохожи друг на друга, что я вполне понимала удивление Этьена.

— Неужели ты решилась к ней съездить? — ахнула Бланш, когда я рассказала ей о поездке. — Но стоило ли делать это, Сандра? Я удивилась:

— Почему нет? По крайней мере, я убедилась, что у нее всё в порядке. Если хочешь, в следующий раз я могу взять тебя с собой. Но трусишка Бланш только покачала головой:

— Ох, нет! И давай не будем рассказывать об этом папеньке и тете Клэр — боюсь, они этого не поймут.

Конечно, такие прогулки по городу без надлежащих церемоний и достойной охраны вызывали недовольство среди приближенных к его величеству чиновников — и первый министр, и министр финансов, и военный министр неоднократно просили Этьена быть осторожнее. Но он продолжал изучать город и страну так, как считал нужным. И позволял это делать и мне.

Хотя мадам Жомини тоже часто пеняла мне на такое поведение, неподобающее королеве, и я даже обещала ей над ним подумать. Но стоило мне только вспомнить, как много важных дел мы находили во время вроде бы самых обычных поездок по городу, и я понимала, что не готова от этого отказаться. Так, в бедном пригороде Лимы, где проживали ремесленники, мы увидели разрушенную водонапорную башню, на ремонт которой у местного населения просто не было средств, и жители квартала вынуждены были носить воду издалека или набирать застоявшуюся воду в ближайшем пруду. Из-за отсутствия нормальной питьевой воды в квартале начались болезни. Едва вернувшись во дворец, Этьен распорядился отремонтировать башню за счет королевской казны, и вопрос был решен за несколько дней.

А в небольшом городке Рулане мы случайно услышали, что некий месье Поршаль выйдя в отставку с чиновничьей службы, взялся учить местных детей грамоте — уроки его пользовались большой популярностью, хотя и проходили под открытым небом даже в

♣холодную погоду. Желающих научиться читать и писать было так много, что месье Поршалю приходилось работать в две смены — при этом он не получал никакого жалованья. Эта история так поразила его величество, что он намекнул местному градоначальнику поддержать столь полезное начинание, что и было сделано незамедлительно — в местной ратуше под школьный класс выделили большой и светлый кабинет, а месье Поршалю назначили ежемесячное пособие. Подобные дела мне казались куда более важными, чем то, чем я занималась во дворце. Досужие разговоры с фрейлинами, приёмы, на которых говорилось то, что полагалось, а не то, что хотелось сказать, занимали много времени, но приносили мало пользы. И я всё-таки поехала в Дижонское предместье снова — Этьен тогда отправился на охоту куда-то в горы, и я решила прогуляться по

городу в одиночестве. Точнее, не совсем в одиночестве, а в сопровождении своей камеристки Джанет и того самого молчаливого светловолосого офицера, что тенью маячил на расстоянии нескольких шагов от нас. Может быть, страж был и не один, но остальных я не знала в лицо.

В небольшой, окруженный розами домик тети Леони, как и в прошлый раз, то и дело заходил народ — судя по всему, старшая сестра папеньки продолжала заниматься знахарством, и ее услуги были весьма популярны. По крайней мере, еще за несколько кварталов до этого места я услышала разговор двух женщин, одна из которых настоятельно рекомендовала другой обратиться за нужным снадобьем к Лео с улицы Ткачей.

На этот раз я решилась с Леони заговорить. Нет, я всё еще не была уверена, что смогу назвать ей себя, но почему бы мне не спросить у нее, например, какого-нибудь травяного отвара от головной боли? Но врать мне не пришлось. Когда я подошла ко крыльцу, тетушка перебирала какие-то засушенные растения. Она подняла голову на звук моих шагов и прищурилась, разглядывая меня.

— Здравствуйте! — кажется, я сказала это слишком тихо, но она услышала.

И в ответ сказала то, от чего я густо покраснела.

— Добрый день, ваше величество!

Если она поняла, что перед ней — королева, то поняла и то, что я — ее племянница. Вся Линария знала, из какого рода взял себе жену

▲его величество. И мне стало мучительно стыдно за то, что я так и не заехала к ней перед свадьбой.

— Что привело вас в мое скромное жилище, ваше величество?

Ее почтительность была скорее напускной, чем искренней, а во взгляде ее я читала смесь недовольства из-за того, что ее оторвали от работы, и легкого пренебрежения к тому слою общества, о котором она предпочла забыть.

— Я хотела познакомиться с вами, — я помедлила немного и всётаки добавила, — тетя Леони.

Она хмыкнула, пожала плечами — дескать, ну что же, заходи, раз пришла, — и распахнула передо мною дверь. И я вошла в небольшую, скромно обставленную гостиную, где царил беспорядок и сладко пахло травами, еще не догадываясь, что эта женщина, которую я видела второй раз в жизни, скоро станет для меня самым близким человеком на свете.

▲11. Магия Эллинаров

В саду, что зеленым браслетом обвивал королевский дворец, был пруд ровной круглой формы, в центре которого бил такой высокий и мощный фонтан, что струи его взлетали над деревьями. Именно в этом источнике — тщательно охраняемом от посторонних глаз — крылась магическая мощь королевской династии Эллинаров.

Давным-давно, почти семь столетий назад, во время крупного восстания, когда бунтовщики подняли руку на маленького сына короля, вода ушла из источника, и пруд пересох. А вместе с волшебной водой Линария лишилась и изрядной части своей магической энергии.

Сильных магов в стране рождалось всё меньше и меньше, и для применения самых простых заклинаний требовалось применение всё более и более мощных амулетов. Некогда великая магия воды

сменилась магией амулетов, которые усиливали ту слабую магию, что еще осталась в тех, в ком текла благородная кровь.

Во всей Линарии насчитывалось не более сотни таких амулетов, и каждый из них был бесценным. Когда-то в каждом дворянском роду был хотя бы один амулет, но постепенно обедневшие семейства продавали или закладывали свои сокровища, и сейчас большая часть из них была сосредоточена в королевской казне.

Этьен показывал мне их — они хранились в особом помещении, по соседству со слитками золота и драгоценными камнями. Каждый амулет требовал своего заклинания, а поскольку тексты многих из них были утеряны, то амулеты потеряли свою силу и по большей части пылились без дела.

Двести лет назад юная королева Алэйна вернула магию в королевский источник, и с тех пор магическая мощь Линарии возрастала с каждым годом. Именно Алэйна доказала, что понастоящему сильные маги могут придумывать заклинания для амулетов сами. Но, к сожалению, помимо самой королевы, этим умением обладали немногие.

Этьен говорил, что он умел это в детстве — когда еще не владел грамотой и не мог ничего записать. Он сочинял заклинания, и давно лежавшие без дела амулеты вдруг обретали былую силу. Но потом этот

удар в нём исчез, и теперь ему самому иногда казалось, что всё это ему приснилось.

Мы с мужем часто гуляли возле королевского источника. Этьен чувствовал себя рядом с ним превосходно, я же в этой части сада постоянно ощущала тревогу — словно магия Эллинаров меня к себе не подпускала.

— Не расстраивайся, — утешал меня всякий раз Этьен, — матушка рассказывала мне, что у нее в первые годы замужества были похожие ощущения. Но потом источник принял ее и подпитывал ее своей силой.

Я кивала, пытаюсь улыбнуться. Мне хотелось думать, что так оно и будет. Я привыкну к источнику, а источник привыкнет ко мне.

В эту часть сада не пускали никого, кроме членов королевской семьи. Этьен говорил, что маги установились здесь сильную защиту.

— Но ты сможешь приходить сюда, когда захочешь — невидимая сеть узнает твою магию и пропустит тебя. Ты — моя жена, и у меня нет от тебя секретов.

Я была благодарна ему за доверие, но никогда не приходила сюда одна — боялась сделать что-то, что не понравится источнику.

Эллины и вся Линария слишком зависели от него.

Этьен смеялся над моими страхами:

— Глупышка, разве ты сможешь сделать что-то дурное? Лесса, ты — самый светлый человек, которого я знаю.

Лесса, Лесси — в его устах это звучало как музыка.

Мы были счастливы — почти абсолютно. Для полного счастья нам не хватало только одного — детского смеха в нашем огромном дворце. Прошли уже три года брака, а я так и не смогла подарить мужу наследника. И эта проблема, серьезная для любой семьи, становилась особенно значимой для семьи королевской.

У Этьена не было младших братьев, и случись что с ним самим, страна погрузилась бы в междоусобные войны, в которые с удовольствием ввязались бы и соседние государства — Сигезия и

Нурландия. Поэтому отсутствие детей беспокоило не только нас с Этьеном, но и всех наших подданных.

Каждый раз, когда у меня пропадал аппетит, маркиза Жомини с надеждой спрашивала, не тошнит ли меня по утрам, а я в ответ, краснея, лишь качала головой. Королевские лекари велели мне пить

▲целебный отвар перед сном, а королевские маги — носить подходящий амулет. И я много месяцев подряд пила отвар и носила амулет — но даже это не дало результата.

Я не хотела обременять своими проблемами Леони, но однажды, навещая ее, не выдержала и расплакалась, всё ей рассказав. Она не стала меня жалеть — не обняла, не подбодрила ласковыми словами — всё это было совсем несвойственно ей. Она просто дала мне кружку с чистой водой и сказала:

— Иногда, чтобы что-то получить, нужно всего лишь перестать стараться.

Я вытерла слёзы и посмотрела на нее с удивлением.

— Что ты имеешь в виду?

Мы уже давно перешли с ней на «ты» — она решительно отвергала все светские церемонии. Более того, она потребовала, чтобы я называла ее Лео — именно так обращались к ней те, кого она пользовала, или кто жил по соседству. И ее совсем не смущало, что это было не женское, а мужское имя.

— А что тут непонятного? — хмыкнула она. — Перестань прикладывать усилия и положишься на судьбу.

В тот день я вернулась от тетушки во дворец почти обиженной — я думала, что Леони даст мне своё, особое снадобье, готовить которые она была мастерица, и была разочарованной тем, что она не предложила мне свою помощь.

И всё-таки решила последовать ее совету — я сняла с платья припиленный булавкой амулет, а отвар, который мне приносили каждый вечер после ужина, стала выливать в ночной горшок. Но я никому об этом не сказала — мне не хотелось обижать недоверием ни лекарей, ни магов.

▲12. Новости

Сначала я подумала, что к столу подали несвежую рыбу — этих карпов привезли откуда-то с севера, и они вполне могли испортиться за время пути. Конечно, было странно, что повар этого не заметил, но поскольку обычно месье Шампань готовил отменно, то я не стала привлекать внимание к этому конкретному случаю. Просто отставила тарелку и сказала, что уже сыта.

Но когда тошнота повторилась и на следующий день, а среди стоявших на столе яств не было ни рыбы, ни каких-либо других морепродуктов, я едва не вскрикнула от внезапно осенившей меня догадки.

Нет, я всё-таки сдержалась и ничем не выдала своего волнения. За столом вместе со мной сидели Бланш и маркиза Жомини, и я не хотела давать им надежду, не будучи сама уверенной в своем положении. Кроме того, если это действительно было правдой, то мне хотелось бы, чтобы первыми об этом узнали совсем другие люди.

К сожалению, Этьен был в отъезде — он наносил визит в Антарию, а поскольку отношения между Линарией и Антарией были весьма прохладными, он не решил взять меня с собой. Он

отсутствовал уже третью неделю, и я сильно скучала и не находила себе места от беспокойства. Особенно остро я прочувствовала его отсутствие именно сейчас. Ах, как мне хотелось бы именно с ним поделиться своей догадкой!

Этьен должен был вернуться со дня на день, и я в мельчайших деталях представила, как я скажу ему то, что он так давно желал услышать. Как засияют его глаза, как он подхватит меня на руки и закружит по комнате, шепча на ухо самые нежные слова. Ох, от этой мысли мне стало жарко. Как мне хотелось сделать счастливым человека, которого я любила больше, чем саму себя.

Я велела заложить экипаж – не парадный, а повседневный, в котором я предпочитала ездить по столице, не привлекая к себе внимания. На сей раз меня сопровождал незнакомый мне офицер. Впрочем, он тоже знал тот адрес, по которому было велено ехать кучеру, и когда карета остановилась у домика Леони, я не утерпела и

▲распахнула дверцу сама, не дожидаясь пока это сделает кто-то из моих спутников.

Я почти влетела в гостиную тетушки, и Лео поморщилась от моей стремительности.

– Что случилось, переполошная?

Кажется, я покраснела, когда рассказывала, и тетушка улыбнулась, а потом обняла меня и поцеловала в ухо. Это было так непохоже на нее – обычно она была скупа на ласку, – что я совсем расчувствовалась и даже всплакнула.

Леони сунула мне в руку какой-то камень, и когда он поменял свой цвет, удовлетворенно кивнула.

– Ты не пила их отвар и не носила амулет? – уточнила Лео.

И когда я подтвердила, она странно хмыкнула.

– Не хочешь же ты сказать, что..., – я замолчала, не решаясь вслух произнести то, о чём подумали мы обе. И замотала головой. – Нет, уверена, что это – не более, чем совпадение.

Мне не хотелось бы думать, что кто-то мог желать зла мне или Этьену. Я всегда старалась относиться к людям хорошо и полагала, что большинство из них относятся ко мне с такой же приязнью.

– Теперь это неважно, – сказала Леони. – Просто будь осторожна. И хотя бы какое-то время постарайся сохранить эту новость в тайне. Я понимаю, что ты не сможешь не рассказать всё своему супругу, но если он хочет получить здорового наследника, то ему неплохо бы тоже пока держать язык за зубами.

Я пообещала молчать, хотя с трудом представляла, как я смогу утаить это от Бланш, от отца или от Джеммы.

Я возвращалась во дворец в самом превосходном настроении.

Наверняка, Этьен уже прислал мне весточку с дороги, а скоро появится в Лиме и сам. Мне так хотелось увидеть его поскорее, что я готова была отправиться ему навстречу. И только забота о нашем малыше удерживала меня от этого шага.

Светловолосый офицер – тот самый, что часто сопровождал меня в поездках по Лиме, а в этот раз отправился вместе с королем в Антарию, – встречал меня на ступеньках крыльца. Я радостно встрепенулась – он привез письмо от Этьена! Или подарок, которым меня часто баловал муж. И даже непроницаемое выражение лица молодого человека меня не насторожило.

♣— Ваше величество, у меня срочная депеша для вас! — отрапортовал он, звякнув шпорами.

Я протянула руку, желая сразу прочесть письмо, но офицер чуть отступил назад.

— Не здесь, ваше величество.

Я удивилась, но ничего не сказала и быстро пошла в свои апартаменты. И оказавшись там, наконец, получила конверт с сургучной печатью. Не знаю, почему, но в этот момент у меня задрожали руки.

В конверте было два листа, и исписаны они были совсем не почерком моего мужа. С Этьеном что-то случилось? Я почувствовала головокружение и предпочла опуститься в кресло.

Первый документ (а это был именно документ!) известил меня о том, что брак его величества Этьена Третьего, короля Линарии и сопряженных земель, и Алесандры Сурель считался расторгнутым со вчерашнего дня. Под этими словами стояла подпись епископа Лимского — того самого, который совершил обряд в день нашего бракосочетания.

Прочитанное не укладывалось у меня в голове. Какое расторжение брака? Ведь мы с Этьеном так любим друг друга! И скоро у нас появится сын или дочь!

Я подняла голову и наткнулась на печальный взгляд офицера.

Кажется, эта новость не была для него тайной. Он знал, какую весть везет мне.

— Если это шутка, то очень глупая и жестокая, — я едва нашла в себе силы, чтобы это сказать.

Слёзы обиды и разочарования уже стояли в глазах, но я почти заставила себя сдержаться. Королева не имеет права показывать свои чувства в присутствии подданных.

— Это не шутка, ваше величество.

Я уже понимала это и сама. Не понимала только, как Этьен мог так со мной поступить. И если и были какие-то причины для этого, то почему он известил меня об этом подобным образом, не решившись поговорить со мной лично? Может быть, его зачаровали, и он пошел на это не по своей воле? Но он был достаточно сильным магом, чтобы противостоять чужому влиянию. Хотя теперь я уже ни в чём не была уверена.

♣Я вспомнила про второй листок и впились взглядом в его строки. Его величество извещал меня о том, что он принял решение расторгнуть наш брак в интересах Линарии в связи с тем, что тот не дал потомства. В течение двух часов после получения сего письма мне надлежало покинуть дворец и вернуться в Сурель, в поместье моего отца. На этом листке всё-таки стояла подпись Этьена и королевская печать, но текст был холодным и равнодушным. Это было письмо не мужа, а короля.

Строчки запрыгали у меня перед глазами, и я до боли стиснула кулаки, пытаюсь прийти в себя.

— Что я должна сделать, господин лейтенант? — я не знала имени этого молодого человека, он всегда сохранял дистанцию.

— Шевалье де Ламаж к услугам вашего величества, — догадавшись о моих сомнениях подсказал он. — Простите, но вам надлежит сегодня же покинуть королевский дворец. К сожалению, я не смогу сопровождать вас, так как вынужден немедленно отправиться

назад к его величеству. Но я распоряжусь, чтобы вам была выделена надлежащая охрана. Вы можете взять с собой всё, что пожелаете — в том числе и тех слуг, к которым особенно привязались. Если вам нужно что-то еще, ваше величество...

Но я оборвала его:

— Не называйте меня так, шевалье! Я уже больше не королева.

Как ни странно, но эти слова дались мне почти легко. Я еще не теряла надежды, что всё образуется, стоит нам только увидеться с Этьеном снова. Я была обижена на мужа и не была уверена, что скоро смогу простить его за ту боль, что он мне причинил этим письмом. Но я слишком хорошо осознавала свою ответственность перед ребенком, которого носила в себе. Я должна была сообщить о нём его величеству. Хотя бы это он имел право знать.

♣13. Бывшая королева

— Кого еще во дворце вы уведомили о расторжении нашего с его величеством брака? — осведомилась я.

Мне надлежало покинуть дворец в течение нескольких часов, но если придворным станет известна эта новость, то наверняка многие из них захотят лично убедиться в том, что это — правда, и пожалуют в мои апартаменты. А я не хотела выслушивать ни насмешки, ни сожаления.

— Его величество отправил в столицу двух гонцов, но второго адресата я не знаю, — мне показалось, что шевалье де Ламаж ответил искренне. — Но моя лошадь была резвее, и я приложил все усилия, чтобы добраться до столицы первым.

Я поблагодарила его за это и позвала свою камеристку. Наверняка, второе письмо было адресовано первому министру, а если так, то он скоро прибудет во дворец, но именно он был тем человеком, с кем я меньше всего хотела бы встречаться.

Если Этьен развелся со мной из-за отсутствия наследника, то не приходилось сомневаться, что немалая заслуга в том, что он пошел на этот шаг, принадлежала герцогу де Крелону. Теперь я уже была уверена, что отвары и амулеты были призваны сыграть совсем другую роль.

Я велела Тересе упаковать в саквояж несколько платьев попроще и смену белья. Да-да, я отправляюсь в паломническую поездку инкогнито. Нет, драгоценности там не потребуются.

— Его величество сказал, что вы можете взять всё, что пожелаете, — напомнил шевалье.

Но я только усмехнулась. Мне ничего не нужно было от мужчины, которому оказалась не нужна я сама. Я не знала, как сложатся наши дальнейшие отношения с Этьеном, но не хотела ни в чём чувствовать себя обязанной.

Мне надлежало отправиться в Сурель, но я решила повременить с отъездом из столицы. Его величество вот-вот прибудет в Лиму, и я была намерена с ним встретиться. Я остановлюсь в гостинице на несколько дней и приму решение, когда немного успокоюсь.

♣— Мне нужно поговорить с сестрой! — сказала я шевалье, и он поклонился, готовый отправиться за Бланш, комнаты которой находились в другом крыле дворца.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, когда в моих апартаментах появился герцог де Крелон. Его светлость тяжело

дышал, и его одутловатое лицо было куда краснее обычного. Должно быть, он сильно торопился меня навестить. Он отвесил мне поклон – достаточно уважительный, но куда менее низкий, чем прежде.

– Рад, шевадье, что застал вас во дворце, – заявил он, с трудом переводя дыхание. – Это письмо вы должны доставить его величеству как можно скорее. Тот гонец, что привез послание мне, в ближайшие несколько часов будет не в состоянии отправиться в дорогу.

Офицер растерялся, явно не зная, как поступить, и я пришла ему на помощь.

– Благодарю вас, шевадье, за заботу. Не беспокойтесь, я выполню распоряжение его величества.

Я не хотела, чтобы у него возникли проблемы из-за желания мне услужить. Он подчинялся королю и первому министру, а мое слово уже не имело никакого значения.

– Да-да, лейтенант, я лично сделаю всё, чтобы ее величество ни в чём не нуждалась, – вмешался герцог. – В том числе отправлю лакея за мадемуазель де Сурель.

Де Ламаж сначала поклонился мне, потом – де Крелону и удалился с видимым сожалением.

– Вы так торопились мне помочь, ваша светлость, – усмехнулась я, – что порвали кружева на камзоле.

Он посмотрел на рукав бархатного камзола и поморщился. Он всегда старался выглядеть безупречно.

– Вы язвите, ваше величество, а между тем, всё именно так, как вы сказали. Как только я получил депешу от его величества, то сразу помчался во дворец. Вы можете мне не верить, но для меня эта новость тоже стала ударом. Впрочем, кто мы такие, чтобы обсуждать решения его величества?

Я и не собиралась ничего с ним обсуждать. Тереса уже стояла с упакованным саквояжем, ожидая дальнейших распоряжений. Шевадье сказал, что я могу взять с собой любых слуг, но мне не хотелось никого

▲из них обязывать отправиться со мной в Сурель, лишив, тем самым, возможности работать во дворце.

Но герцог думал иначе.

– Ваше величество, карета будет ждать вас у западных ворот дворца. Я подумал, вам не захочется выходить через парадное крыльцо.

Мне этого действительно не хотелось.

– Да, вы очень предупредительны, ваша светлость.

Де Крелон повернулся к камеристке:

– Отправляйтесь к западным воротам, мадемуазель. Ее величество подойдет туда чуть позднее.

Я собиралась возразить и оставить Тересу здесь, но подумала, что этот вопрос мы можем решить уже у западных ворот – после того, как я сяду в карету. Девушка удалилась, но герцог не спешил меня оставить.

– Думаю, вы понимаете, ваше величество, что ваш супруг поступил подобным образом вовсе не из прихоти. Вы прекрасно знаете, как сильно он вас любит, и если он решился на подобный шаг, то лишь потому, что для любого монарха долг перед страной куда важнее самых горячих чувств. Уверен, его величеству сейчас не менее тяжело, чем вам, и надеюсь, вы не станете добавлять ему страданий. Я едва не задохнулась от возмущения. Мне было неинтересно

знать, как он оценивает поступок Этьена, но убеждать меня понять и простить предавшего меня человека было верхом наглости.

А герцог, меж тем, продолжал:

– Если вы попытаетесь увидеться с ним, то лишь причините боль и себе, и ему. Когда вы проходили обряд коронации, вы понимали, что приобретаете не только права, но и обязанности – в том числе и обязанность в любых обстоятельствах ставить интересы Линарии выше собственных интересов.

Я взмахнула рукой, давая понять, что не нуждаюсь в подобных нравоучениях. Пока еще никто – ни герцог, ни сам Этьен – не знали, что обстоятельства изменились.

– Я желаю поговорить со своей сестрой! – напомнила я, надевая плащ, на капюшоне которого был королевский вензель, инкрустированный бриллиантами. Я предпочла бы обойтись без

▲подобных знаков отличия, но Тереса уже ушла, и мне уже некогда было искать другую одежду.

Де Крелон посмотрел на меня с недоумением:

– Вы уверены, что хотите задержаться во дворце, ваше величество? С минуты на минуту о вашем разводе с королем узнает вся Лима. Нет-нет, сам я не болтлив, но я не сомневаюсь, что те, кто сейчас находятся рядом с его величеством, уже наверняка отправили в столицу своих гонцов. Более того, когда я ехал во дворец, мне показалось, что за мной следили. Поверьте – найдутся немало людей, которые захотят увидеть поверженную королеву. Но хотите ли вы доставить им подобное удовольствие?

В этом он был прав. Каждая минута промедления грозила неприятными встречами с придворными, которые прежде спешили выразить мне свои верноподданические чувства, а теперь наверняка пожелают насладиться моим падением.

– Вы сможете поговорить с сестрой в Суреле. Уверен, она захочет отправиться вслед за вами. Я расскажу ей обо всём со всем возможным тактом.

– Но я хотела бы, чтобы она обо всём узнала от меня, – я возразила, но сама уже поняла, что сейчас у меня нет ни сил, ни желания разговаривать даже с Бланш. Мне было жаль сестренку, которую мой развод лишил блестящих перспектив в свете, но я надеялась, что она не будет ни в чем меня винить.

– Вам необходимо отдохнуть и выспаться, ваше величество, – герцог обратил внимание на мое состояние. – Может быть, пожелаете эту ночь провести в гостинице, отправившись в Сурель лишь поутру? Но я покачала головой. Да, я была намерена остановиться в гостинице, но я не хотела, чтобы кто-то знал, где я буду находиться.

– Нет, я поеду прямо сейчас, – сказала я. – И, ваша светлость, перестаньте называть меня вашим величеством – этот титул мне более не принадлежит.

Герцог поклонился:

– Как вам будет угодно..., – он секунду помедлил и прибавил, – сударыня.

В дверь постучали, и через секунду лакей доложил о том, что аудиенции со мной просят маркиз и маркиза Жомини. Был уже поздний час, в который визиты были не приняты, и не приходилось

▲сомневаться, что толкнуло супругов Жомини на нарушение светских

приличий.

Его светлость бросил на меня выразительный взгляд – дескать, ну вот, я же говорил.

– Если позволите, я поговорю с ними сам, – и обернулся к лакею. – Проводите ее величество до кареты!

Я оставила герцога в своих апартаментах и отправилась вслед за слугой. При этом я не сразу сообразила, что идем мы в сторону парадного крыльца. Конечно, лакей посчитал вполне естественным, что карета ожидает меня именно там. Он еще не знал, что я уже не была королевой.

– Нет, – грустно улыбнулась я, – нам совсем в другую сторону. И свернула на боковую лестницу. К счастью, на нашем пути почти никто не попадался, и мы довольно скоро достигли выхода из дворца.

– Благодарю вас. Вы можете идти.

– Но, ваше величество, я помогу вам сесть в карету.

Он был полон желания помочь, но я покачала головой:

– Я же сказала – ступайте!

Он не посмел возразить. Стражники торопливо распахнули ворота. Они не удивились, что я выходила из дворца одна – и я, и Этьен часто проделывали что-то подобное.

Я оказалась на улице. Было уже темно, и я поежилась от ночного холодного ветра. Огляделась. Никакой кареты поблизости не было. И в отличие от парадного крыльца, этот выход почти не был освещен, и только в нескольких десятках шагов отсюда горел факел рядом с обелиском, посвященным обретению источника.

Так, стоп! Но откуда здесь этот обелиск? Он находился совсем в другом месте!

Я охнула и привалилась спиной к холодной дворцовой стене. Я же пришла не к западному, а к восточному выходу!

▲14. Кругом враги

Я могла вернуться во дворец и пройти к западному выходу по его коридорам. Но сама мысль об этом была мне противна. Да, на улице было пасмурно и ветрено, но я предпочла пойти по булыжной мостовой, а не по паркетному полу.

Шла я медленно, стараясь не сбиться с пути – я не очень хорошо знала прилегавший ко дворцу квартал, и только сама махина дворца, в окнах которого горел свет, служила мне ориентиром. Судя по всему, недавно был дождь, и мои сапожки из тонкой кожи быстро промокли.

Я находилась в центре Лимы, но даже здесь на улицах было темно и грязно. В столь позднее время порядочные люди предпочитали сидеть по домам, и за всё время пути я не встретила ни одного экипажа, и только несколько хмурых прохожих торопливо прошмыгнули мимо меня, спеша укрыться в теплом доме или сытной таверне.

При мысли о еде и мягкой постели я особенно остро почувствовала холод. Всё-таки мне следовало вернуться во дворец, а не бродить по улице ночью. По внутренним коридорам я уже давно добралась бы до нужного места. Но думать об этом сейчас было уже поздно.

Западное крыло дворца выходило на торговый квартал, где часто шумели ярмарки и было много пришедшего люда, отправившегося покорять столицу из самых разных провинций Линарии. Именно здесь можно было услышать чужую речь и отведать экзотические яства. Но

здесь же было много нищих, которые днем просили подаяния, а по ночам спали прямо на грязных тротуарах.

Одного такого я и встретила совсем рядом с западными воротами. Он вынырнул откуда-то из подворотни, и когда я увидела его в свете одинокого фонаря – грязного, в оборванной одежде – то вздрогнула и вскрикнула.

– Не подадите на краюшку хлеба, мадемуазель?

К моему плащу изнутри обычно был привязан мешочек с серебряными и медными монетками, которые я раздавала нищим, гуляя по городу. Я нащупала его рукой, достала одну из монет и

▲протянула мужчине. Его беззубый рот растянулся в довольной улыбке – кажется, ему досталась серебрушка.

– Благодарствую, мадемуазель. А теперь послушайте доброго совета – бегите отсюда, что есть сил. Страшные дела творятся в этом месте.

Я испуганно попятилась, не понимая, о чём он говорит.

– Да-да, – он понизил голос, и от этого тот стал звучать еще более зловеще. – Не смотрите, что рядом – королевский дворец. Это там, внутри – тепло и светло. А что творится здесь, за его стенами, никто не знает.

– О чём вы говорите, сударь? – я отступил от него еще на шаг.

Он понял мои страхи и почти обиделся:

– Вам не стоит бояться меня, мадемуазель. Здесь есть более опасные звери. Не далее, как час назад вон там, недалеко от дворцовых ворот, убили женщину. Да-да, почти под самым носом у королевской стражи.

Я похолодела от внезапной догадки. Где карета, которая должна была меня тут ожидать? И где Тереса?

Слова нищего только подтвердили мои опасения.

– Здесь были злые люди. Подойдите ближе, мадемуазель, я и вам всё расскажу.

Наверно, это было глупо, но я всё-таки подошла к нему так близко, что смогла разглядеть крючковатый нос и шрам на правой щеке. Теперь я уже не знала, кого мне стоило бояться больше – тех, кто шатался по лимским улицам по ночам, или кто находился в самом дворце?

– Сначала к воротам подъехала карета. Добротная такая карета, не наемный экипаж. А спустя четверть часа верхом прибыли пятеро. Я сразу понял, что ничего хорошего от них ждать не стоит и не выкуркивал из подворотни. Они не заметили меня, мадемуазель. Сначала они стащили кучера с козел, стукнули его по голове и затолкали в карету. Один сел вместо кучера, остальные отошли вон туда, за деревья. Потом из ворот вышла женщина – не благородная, не в пример вам.

– У нее что-то было в руках? – когда я задавала этот вопрос, то уже знала ответ.

▲– Да, – подтвердил мой собеседник, – что-то вроде небольшого сундучка. Мужчины бросились к ней, она попыталась закричать, и один из них ударил ее ножом. Да-да, мадемуазель! Когда они уехали, я подходил к тому месту – там кровь на камнях. Женщину тоже сунули в карету. Я думал, они испугаются наделанного шума и сразу же уедут, но ничуть. Они долго ждали еще кого-то, ругались между собой.

Может быть, они стояли бы тут и дольше, но мимо проезжал целый взвод королевской стражи – во время ярмарок стража часто патрулирует этот квартал. Начальник стражи подъехал к карете и едва не заглянул внутрь, так что этим молодцам пришлось броситься врассыпную. Карета понеслась вон туда, в сторону улицы Оружейников, стража – за ней. Но догнали ли они карету, я не знаю. Теперь меня трясло уже не от холода. Не приходилось сомневаться, что эти люди ждали моего выхода из дворца, и намерения у них были самые дурные. Я расплакалась, подумав о бедной Тересе, и нищий участливо тронул меня за руку.

– Идите домой, мадемуазель. И впредь не ходите одна в такое время.

При мысли о доме у меня сжалось сердце. Мой дом был в Суреле, но я уже не представляла себе, как смогу до него добраться. У меня не было с собой ни теплых вещей, ни достаточного количества денег. Может быть, я сказала это вслух, потому что нищий покачал головой:

– Вон там, в Шелковом переулке, есть небольшая гостиница. Быть может, она покажется вам слишком скромной, мадемуазель, но там есть камин, и там подают отличных жареных перепелов. Я увидела, как он облизнулся, и достала из мешочка еще несколько монет.

– Благодарю вас, сударь. Надеюсь, у вас сегодня тоже будет сытный ужин.

Он проводил меня до самой гостиницы и исчез в темноте, когда я поднялась на ее крыльцо. Звякнул колокольчик на дверях, и мне навстречу вышел невысокий солидный мужчина. Он окинул меня взглядом, оценивая мою платежеспособность, и кажется, остался доволен.

– Добро пожаловать в «Королевскую розу», сударыня!

▲Он подозвал горничную, и та проводила меня в небольшую, но уютную комнату. У меня не было сил, чтобы спуститься в обеденный зал, и удовольствовалась стаканом молока и теплой румяной булочкой, которые мне принесли.

Я упала на мягкую постель, но еще долго не могла заснуть. Мне нужно было о многом подумать.

В том, что у меня были враги – могущественные, много знающие и готовые на всё – теперь уже не приходилось сомневаться. Одним из них, несомненно, был де Крелон, но вряд ли он был единственным.

Теперь я уже не знала, кому я могу доверять.

Больше всего я боялась за Бланш. Как я могла оставить ее одну во дворце? И как я смогу с ней связаться?

Я успокоилась только тогда, когда подумала о Джемме и тете Леони – только им я могу доверять, у них могу попросить поддержки и приюта. С этой мыслью я и провалилась в тревожный сон.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/ya-ne-skazhu-tebe-o-syne-b401823>